

Крис Бауэрс
Роджер Федерер. Легендарная ракетка
 [МОСКВА, “ ЭКСМО ”, 2015]

© Text copyright Chris Bowers 2013

© Козлова Е., перевод с английского, 2015

“Он – очень умный парень, чувствующий правильный момент, и лишь немногие в нужный момент понимают, что нужно делать. И он один из них. Он не умничает, но всегда держит обещания и выполняет условия сделок”.

Рожэ Бреннвальд, президент теннисного турнира Swiss Indoors

“Недели две назад я услышал по телевизору что-то о том, что Тайгер Вудс унаследует от Майкла Джордана титул лучшего спортсмена нашего времени. Полагаю, это шутка. Я настаиваю на том, что Роджер – лучший спортсмен нашего времени, и готов обосновать это. Подчёркиваю: не теннисист, а именно спортсмен. Не хочу обижать Тайгера, он невероятный гольфист, но его результаты в матчевых играх, событиях, в которых вылетаешь в неудачный день, не впечатляют. У нас, теннисистов, такое бывает каждую неделю. Роджер выигрывает каждый турнир Большого шлема, исключая Открытый чемпионат Франции, и побеждает в каждом турнире “Мастерс”. Это означает, что он не может позволить себе ни одного неудачного дня. И это невероятно”.

Джеймс Блейк, американский теннисист (Открытый чемпионат США по теннису, 2006 год)

“Я был там с лучшим игроком из всех, которых я когда-либо видел, – Роджером”.

Рафаэль Надаль, испанский теннисист (Открытый чемпионат Австралии по теннису, 2009 год)

“Ты – самый популярный теннисист в Китае, потому что у тебя приятная улыбка и большой нос”.

Китайский журналист, предваряя вопрос к Федереру (Финал Мирового тура АТР 2002 года в Шанхае)

“Кто играет в теннис на корабле? Весёлый Роджер Федерер”.

Шутка, придуманная шестилетней дочкой автора

Об авторе

Крис Бауэрс – свободный писатель и ведущий, с 1992 года освещающий события в теннисном мире. Изучал в университете немецкий язык, историю, лингвистику и музыку (год выпуска – 1983-й), впоследствии – газетную журналистику. Ушёл на радио в 1986 году. В следующие два года на протяжении двадцати двух месяцев работал на швейцарскую службу радиовещания для зарубежных стран *Swiss Radio International*, Берн. В тот период он играл в швейцарской Лиге тенниса за клуб «Фламинго», принадлежавший Франтишеку Кратохвилу, сын которого, Мишель, участвовал в профессиональных турнирах. Партнёром Бауэрса в парных играх в тот сезон был Северин Люти – капитан сборной Швейцарии в Кубке Дэвиса и близкий товарищ Роджера Федерера.

В течение двух лет проработал в организации по охране окружающей среды. В 1992 году всё своё время посвятил мировому теннисному туру, работая на газеты, журналы, радио, телевидение, Интернет, СМИ. Наибольшую известность получил как комментатор «Eurosport» и «BBC Radio», но он также работает репортёром на радио и телевидении по всему миру. Бауэрс писал для различных газет, журналов и веб-сайтов. Это его восьмая книга о теннисе. Он продолжает активно работать в области охраны окружающей среды, а также является членом совета в английском местном самоуправлении. Ему пятьдесят два года, он проживает вместе со своей дочерью в Англии, в Восточном Суссексе.

От автора

Кто лучше всех? Этим вопросом задаются дети на школьной игровой площадке, завсегдатаи баров, обсуждающие легенды спорта, журналисты, пытающиеся подвести итоги, и множество других людей. И все они хотят знать, кто лучший в той или иной дисциплине. В этой книге тот же вопрос ставится несколько иначе. Со дня побед на Открытом чемпионате Франции по теннису и на Уимблдонском турнире в 2009 году теннисный мир единогласно признаёт Роджера Федерера величайшим теннисистом всех времён. Но кто он такой? Откуда он? Каким был его путь к величию? Какие уроки Федерера могут вынести для себя другие, особенно родители, столь же одарённых детей, которые не знают, как помочь им раскрыться?

Эта книга – и самостоятельная работа, и развитие трёх предыдущих книг. В 2005–2006 годах я написал книгу «Fantastic Federer» («Фантастический Федерер»), новая редакция которой вышла в 2007 году. В то время Федереру было за двадцать, так что книга была во многом биографическим очерком и размышлениями на тему того, чего он может достичь в будущем. В 2009 году, когда его величие начало проявляться, вышла третья книга: «Roger Federer – Spirit of a Champion» («Роджер Федерер – Дух чемпиона»). Однако достижения Федерера за шесть недель в середине 2009 года провели чёткую границу между периодом раскрытия его потенциала и периодом, в котором он стал поистине величайшим в своей дисциплине.

История Роджера Федерера ни в коем случае не завершена: он продолжает играть, по-прежнему является одним из главных фаворитов на каждом турнире, в котором принимает участие. В то же время настал момент, когда его наследие – его карьера – уже может рассматриваться в некоем контексте, отдельно от тех лет, когда нам приходилось ждать его достижений, чтобы с уверенностью назвать его легендой.

Эта книга основана на трёх предыдущих. Разумеется, ни детство Федерера, ни этапы его ранней карьеры с 2006 года не изменились. Просто теперь мы смотрим на него по-другому – и как на личность, и как на чемпиона. Его теперешние достижения затмили события, которые всего пару лет назад казались такими значимыми. В то же время читателям, которые сразу возьмутся за эту книгу, не прочитав прежние три, биография Роджера Федерера будет так же понятна, как и тем, кто прочитал предыдущие книги от корки до корки.

Как бы я ни старался сделать эту книгу полной, это всего лишь часть истории Федерера. Когда сам он решит написать автобиографию – или даст согласие на создание авторизованной биографии, – подробностей будет больше. Странно, что он до сих пор не опубликовал книгу о своей жизни. Большинство звёзд спорта, достигнув 30 лет, уже опубликовали автобиографию, некоторые даже не одну. Иные работы более поучительны, иные – менее. Понятно, что те, в которых содержится информация, способная направить человека на путь успеха, куда интереснее тех, что написаны славы и прибыли ради.

Но Роджер Федерер не такой, как многие другие. Со времени его первой победы на Уимблдонском турнире в июле 2003 года его самого и его команду буквально осаждают издатели и журналисты, предлагая написать автобиографию или объединиться с кем-то для её написания. Он неизменно отклоняет эти предложения. Он поясняет, что не хочет тратить на описание своей собственной истории время, необходимое для того, чтобы хорошо делать своё дело.

Причина разумная. Впрочем, доподлинно известно, что он ведёт дневник, так что однажды – возможно, когда его карьера будет подходить к концу или уже завершится, – он сам расскажет свою историю. Пока же он спокойно относится к тому, что пишут о нем другие, но ни одна книга не претендует на звание авторизованной биографии.

Так что эта книга – “неавторизованная” биография. Сам я предпочитаю слово “независимая”, потому что термин “неавторизованность” несёт в себе нечто негативное. С другой стороны, отсутствие “авторизации” дало мне определённый уровень свободы, так что я могу писать о Федерере, не беспокоясь о том, что он или его советники хотят, чтобы я о нем написал. Я мог свободно говорить со многими людьми, которые помогли ему стать тем, кем он сейчас является, и воссоздать его портрет и как личности, и как теннисиста. Портрет этот всё ещё принадлежит весьма скромному парню, несмотря на то, что его характер, мягкий от природы, подвергается воздействию гремучей смеси подхалимства и безграничных финансовых возможностей. Интересно, выдержал бы эти соблазны какой-нибудь святой!

Даже когда Федерер решит написать собственную книгу и рассказать о том, что происходило у него в голове и в команде, когда он был на пике карьеры, то и эта работа не станет исчерпывающей. Рассказ о карьере Федерера невозможен без описания воздействия, которое он оказал на других, без описания процесса развития его личности в результате целой череды успехов и неудач, без собственных мыслей и воспоминаний множества людей. Поэтому рассказы и воспоминания людей, которые его сформировали, которые были с ним на протяжении всего этого пути, – весьма важная часть истории. Так же как в «*Fantastic Federer*» и «*Spirit of a Champion*», в работе над этой книгой использованы как мои собственные исследования, так и материалы других авторов, опубликованные на английском, немецком и французском языках.

Мне повезло, я оказался в идеальной ситуации для того, чтобы писать о Роджере. Во-первых, я знаю его давно, с тех пор, когда ему было шестнадцать: я впервые взял у него интервью после того, как он выиграл Уимблдонский турнир, став победителем в одиночном разряде среди юниоров в 1998 году. Во-вторых, я жил в Швейцарии, говорю на немецком и французском (даже на швейцарских диалектах немецкого, сбивающих с толку многих немцев). В-третьих, я лично знаю нескольких людей, рядом с которыми он вырос. Всё это ставит меня в гораздо более выгодные условия по сравнению с международными теннисными летописцами – по крайней мере, для того, чтобы написать биографию Федерера.

Разумеется, я в долгу перед людьми, которые были свидетелями развития Роджера и предоставили мне свой опыт. Это Ив Аллегро, Мадлен Бэрлохер, Роже Бреннвальд, Даррен Кэхилл, Бит Каспар, Марко Кьюдинелли, Эшли Фишер, Роже Жонин, Сеппли Качовски, Марко Мордасини, Франческо Риччи-Битти, Ники фон Вари, Фредди Видмер и Томас Вирц. Благодарю за разнообразную важную помощь Фэй Эндрюс, Николая Арцани,

Тима Карри, Ричарда Итона, Тони Годсика, Марка Ходжкинсона, Фрэнка Хофена, Митци Инграм Иванс, Энни Хэммертон, Северина Люти, Иэна Макдермотта, Дэниела Моннина, Клаудию Мозер, Эндрю Ригби, Нила Робинсона, Барбару Трэверс, Юрга Фогела и Пола Циммера. Я бы также хотел поблагодарить Линетт Федерер и Тони Годсика за их помощь в обсуждении оригинальной концепции и за их желание впоследствии помочь в пределах ограничений, установленных Роджером.

Особую благодарность хочу выразить Джону Блейку и Мишель Сигнор из издательства «John Blake Publishing» за то, что с самого начала верили в меня и в эту книгу, за их немалый вклад в эту последнюю версию истории Федерера, описывающую период после триумфов 2009–2010 годов.

Цель этой книги состоит в том, чтобы помочь лучше понять личность и, со всеми должными оговорками о том, чего он ещё только может достичь, донести до читателя перечень тех основных факторов, которые сделали этого выдающегося спортсмена и вдохновляющего человека величайшим в мире тенниса. Если хотя бы одна из целей будет достигнута, то книга выполнит своё предназначение.

*Крис Бауэрс
Май, 2013 год*

Часть 1. Юность чемпиона

ГЛАВА 1

История Роджера Федерера не похожа на историю сестёр Уильямс. Она не вдохновит того, кто страстно жаждет, чтобы теннис стал царством равенства, где экономическая составляющая происхождения ребёнка не встаёт на пути к вершинам. Винус и Серена Уильямс – подлинные выходцы из гетто Лос-Анджелеса, Джимми Коннорс вырос среди рабочих Иллинойса, и всё способствовало тому, чтобы они презирали богатеньких детишек, заполонивших признанные теннисные клубы. Федерер же – выходец из вполне обеспеченного среднего класса. Он – второй ребёнок в обычной состоятельной семье из Базеля. На пути к теннисным вершинам ему не пришлось преодолевать социальные преграды. Он никогда не был “бунтарём без особых причин”, таким, как Джон Макинрой. На корте ему не было нужды трансформировать свой гнев в силу, превращать на время матча своих соперников в злейших врагов, как это делали Коннорс, Ллейтон Хьюитт и даже Пит Сампрас. Он никогда не прибегал к хитростям в стиле Макинроя, Иона Цириака или Илие Настасе для того, чтобы снизить концентрацию соперника. Это вежливый, благонаравный, настоящий “золотой ребёнок”. По его поведению никогда нельзя сказать, как его злит несправедливое отношение к нему.

В то же время энергию, лежащую в основе его достижений, нельзя было бы аккумулировать без твёрдости и решимости. Полагаю, что история Роджера Федерера наглядно демонстрирует, что решимость не имеет классовых различий: ею может гореть одинаково ярко и тот, кто всё получил на блюде с голубой каёмочкой, и тот, кому за всё пришлось бороться.

Нельзя не признать, что свою роль сыграло и достаточное количество денег, с помощью которых был улажен вопрос с тренерством, и то, что родители всегда были готовы подвезти ребёнка куда надо. Федерер, несомненно, извлёк из всего этого немалую пользу.

Роджер Федерер родился 8 августа 1981 года во втором по величине городе Швейцарии – Базеле. Он был вторым ребёнком и первым сыном Линетт и Роберта Федереров, которые жили в городе со дня своей свадьбы, с 1973 года.

Базель едва ли является целью и конечным пунктом назначения богатых путешественников. Однако его расположение – на берегах Рейна, на границах трёх стран – Швейцарии, Германии и Франции, – делает его исключительно подходящим местом для явления мировой иконы спорта. Расположение города на пересечении международных дорог объясняет тот факт, что Роджер Федерер свободно говорит на трёх языках. Или даже четырёх, если считать полноправными языками самостоятельные гортанные швейцарско-немецкие диалекты. В повседневной жизни на улицах Базеля можно услышать пять языков: четыре швейцарских – немецкий, французский, итальянский, оригинальный чистый швейцарский романшский язык (на нем сейчас говорят разве что на востоке, но он всё ещё используется для надписей на банкнотах и некоторых официальных знаках) и английский.

Аэропорт города, расположенный на французской территории, был на протяжении многих лет известен как Базель-Мюлуз, а сейчас его называют Евроаэропорт, и немецкие, швейцарские и французские города считают его своим собственным.

Как и большинство европейских городов в стране, чьи жители критически относятся к вступлению в Евросоюз, Базель обладает слегка нешвейцарским характером и своеобразным чувством юмора. У него имеется собственная версия немецкого карнавала *Morgestraich* (дословно “Утренняя прогулка по улицам”) – языческого шествия, проводимого в четыре утра в понедельник после Пепельной среды (первого дня католического Великого поста). В это время всё освещение в городе гасят, чтобы усилить эффект от огненного потока факелов.

Базель – один из старейших университетских городов Европы и центр фармацевтической промышленности Европы. Именно в Базеле в 1943 году профессор химии Альберт Хофман протестировал на себе синтезированную им молекулу LSD-25 и стал первым человеком, испытавшим галлюцинации под воздействием наркотика ЛСД.

История Роджера Федерера также связана с фармацевтической промышленностью Базеля, правда, чуть более прозаично. Его отец, Роберт, работал лаборантом в компании – гиганте химической промышленности «Ciba-Geigy», находящейся в Базеле. В конце 60-х он решил бросить работу, попутешествовать и почти тотчас осел в Южной Африке (скорее всего, потому, что туда было легче всего попасть). По иронии судьбы, он получил работу на главном заводе «Ciba» в Южной Африке, в Исандо, промышленном пригороде на востоке Йоханнесбурга. Там же в 1970 году он встретил восемнадцатилетнюю секретаршу, Линетт Дюран, работавшую в «Ciba» и жившую в богатом районе поблизости от Кемптон-Парка. Они начали встречаться, он познакомил её с теннисом, ей понравилось, и они играли до тех пор, пока не поженились в 1973 году.

Роберт Федерер родился в 1946 году. Сын текстильщика, он вырос в восточной части Швейцарии неподалёку от города Альтштеттен. Он играл в теннис в своё удовольствие и никогда не стремился к тому, чтобы играть хорошо. Линетт младше его на шесть лет, она родилась в 1952 году в семье, первым языком которой был африкаанс. Примечательно, что она играла в теннис на более высоком уровне, нежели её первый тренер – муж. Бит Каспар, бывший спортивный редактор базельской ежедневной газеты, заметил как-то на страницах «*Basler Zeitung*»: “У неё была хорошая координация, намного лучше, чем у Роберта”. Впрочем, несмотря на свои весьма высокие амбиции, Линетт также никогда не стремилась сделать в теннисе карьеру.

В 1973 году пара переехала в Швейцарию, за 8400 километров от родной стороны Линетт, и поселилась в Риене, городе неподалёку от Базеля и немецкой границы.

Впоследствии Роберт стал менеджером по продажам в «Ciba», Линетт также получила должность в компании в своём новом родном городе. Оба продолжали играть в теннис. В спортивном клубе фирмы было множество отличных кортов, расположенных в тени старых деревьев в Альшвиле в кантоне Базель-Ланд. Спортивные и рекреационные площадки компании давали сотрудникам возможность заниматься своим хобби за весьма небольшие деньги. Более того, некоторые компании позволяли бесплатно использовать инвентарь фирмы не только сотрудникам, но и их семьям. Это было весьма выгодно. В то же время человека с амбициями (или хотя бы с каплей амбиций) не могли удовлетворить ни общество этих клубов, ни полное отсутствие духа соперничества.

Прожив в Базеле несколько лет, Линетт присоединилась к теннисному клубу «Олд Бойз». Это был один из двух ведущих теннисных клубов Базеля (кстати, другой клуб назывался весьма по-швейцарски: «Теннисный клуб Базель Лон»). Причина была проста: она хотела участвовать в соревнованиях. В 1995 году она вошла в состав женской команды «Олд Бойз», которая стала чемпионом в швейцарском межклубном турнире среди ветеранов в младшей возрастной группе. Она также активно поддерживала местный и региональный теннис, работая в совете директоров базельского регионального подразделения Швейцарской ассоциации тенниса и взяв на себя ответственность за развитие молодых талантов. Долгие годы она также работала на базельском турнире Ассоциации теннисистов-профессионалов (АТП) чемпионата Швейцарии на крытых кортах.

В настоящее время она практически не играет в теннис, предпочитая гольф (и может гордиться тем, что имеет гандикап около пятнадцати).

Примечательно, что и Робби, и Линетт невысокие ростом, не более ста семидесяти сантиметров. Некоторое время высказывались опасения, что и их отпрыск не вырастет достаточно для того, чтобы добиться авторитета в мире тенниса. По счастью, благодаря какой-то счастливой генетической особенности Роджер Федерер вырос до ста восьмидесяти пяти сантиметров.

В конце 1979 года родилась Диана, первый ребёнок Линетт и Робби. Она гораздо более спокойная, чем её младший брат, и вполне сознательно избегает излишнего внимания, работая медсестрой в психиатрической клинике недалеко от Базеля. У неё так же, как и у Роджера, родилась двойня.

На детство Дианы не могли не влиять достижения Роджера, но Федерерам удалось избежать классических проблем, связанных с присутствием в семье одаренного ребёнка, когда всё внимание поглощают потребности одного, а второй молча страдает. Томас Вирц, журналист и теннисный тренер из Базеля, несколько раз бравший интервью у Федереров дома, подчеркивает, что *“эта семья всегда была вполне гармонична. Иногда мне было интересно, что делала Диана в то время, пока Роджера возили с турнира на турнир, не было ли у неё определенного недоверия к миру тенниса... Но она всегда выглядела самостоятельной, уверенной в себе и очень вежливой. Нельзя было углядеть ни намёка на обиду”*.

Диана предпочитает лыжи и сноуборд. Газета «Basler Zeitung» часто обращается к ней за информацией, но *“она никогда не хотела, чтобы о ней написали статью в газете, – говорит Бит Каспар. – Я часто её просил. Я ей говорил, что людям она интересна, особенно когда они видят, что она сидит в первых рядах и наблюдает за игрой Роджера. Она всегда отказывалась, а Линетт постоянно давала понять, что Диане нет необходимости иметь какое-то отношение к теннису Роджера, если она того не захочет. Линетт всегда говорила Диане, что её никоим образом не должно беспокоить то, что люди постоянно спрашивают о Роджере. Диана всегда держится в стороне от тенниса и СМИ и отказывается публично говорить о брате”*.

Роджер родился спустя двадцать месяцев после Дианы. К тому времени семья пересекла Рейн и переехала в город Мюнхенштайн, поближе к центру Базеля. В книге регистрации актов о рождении его имя записано без среднего имени: *“Роджер Федерер”*. Поскольку он швейцарец, а французский является в Швейцарии вторым языком, то многие полагают, что его имя произносится на французский манер (то есть Роже). Сам он неоднократно подчёркивал, что имя произносится на английский манер, поэтому большинство франкоговорящих, знающих об этом, выработали собственный вариант произношения (Рожэир). В *“Федерер”* правильно ставить ударение на первый слог, при этом гласная больше напоминает [э], однако и вариант [ф’эдэрэр] Роджер считает правильным.

Каким он был в детстве? Все, кто помнит его в те годы, говорят о счастливом и весёлом мальчике с поистине безграничным запасом энергии и жаждой заниматься спортом, особенно с мячом. В интервью 2005 года Линетт сказала: *“Он не был простым ребёнком. Он был очень-очень активным, полным энергии, и он всегда испытывал границы дозволенного: с родителями, с учениками, в спорте, в школе. Он всегда являл собой сгусток чистой энергии и был очень эмоциональным мальчиком. С ним было непросто. Какое-то время я беспокоилась, способен ли он вообще сосредоточиваться, но он потом хорошо поработал над этим”*.

Швейцарская система обучения даёт каждому кантону (административному округу) свободу в выборе своей образовательной системы. В Базеле тогда, как и сейчас, дети шли в сад в пять лет, в начальную школу – в семь, в среднюю – в одиннадцать или двенадцать. Когда им исполнялось пятнадцать или шестнадцать, то обязательные годы обучения заканчивались, и подростки сами выбирали различные формы дальнейшего образования.

Вслед за Дианой Роджер пошёл в школу Нойевельт, государственную начальную школу в тихом, богатом, утопающем в зелени уголке Мюнхенштайна. *“Нойевельт”* дословно означает *“новый мир”*, но это не более чем название района в Мюнхенштайне, а не какой-либо крупный идеалистический проект. Была возможность отправить детей в частные школы, но решение Робби и Линетт отдать Диану и Роджера в местную государственную школу не было чем-то необычным: в Швейцарии так поступали почти все. На частные школы спрос был невелик, особенно в умеренно богатых районах, где условия были хорошие и поддержка родителей в любом случае обеспечивала высокие стандарты образования. В школе Нойевельт были и детский сад, и начальная школа, так что Диана с Роджером оба учились там с пяти до двенадцати лет.

Законы о защите персональных данных и другие меры предосторожности не позволяют учителям Роджера много говорить о его учёбе. Тереза Фишбахер, бывшая завучем во времена учёбы Роджера в начальной школе, больше вспоминает о том, как он вёл себя вне уроков, чем в стенах классной комнаты. *“Я была уверена, что он станет футболистом, – вспоминает она. – Почти всегда у его ног можно было увидеть мяч, и он сам говорил: “Хочу стать футболистом!” Долгое время я и понятия не имела, что он играет в теннис, а узнав, решила, что это, вероятно, нечто второстепенное, он ведь так любил футбол. Должна признать, что играл он очень хорошо, я бы не удивилась, если бы он стал футболистом”.*

За несколько лет до того, как Роджер появился в школе Нойевельт, два её выпускника, братья Муран и Якин Хақан, были такими же увлечёнными футболистами, как и Федерер. Впоследствии они стали местными кумирами футбольного клуба «Базель». Каждый из братьев сыграл более чем в пятидесяти играх и за национальную сборную. Их успех создал в школе особую культуру, диктовавшую, что играть в футбол круто. Поскольку в то время теннис был не очень популярен в стране, где любили футбол, лыжи и хоккей с шайбой, то, быть может, юному Роджеру было комфортнее с большим мячом у ног, нежели с маленьким на струнах ракетки.

Фишбахер помнит о нём ещё кое-что: *“Он всегда находился в движении. Он был счастлив, у него был прелестный характер, хорошее воспитание и прекрасные манеры, но ему постоянно надо было двигаться. Настоящий непоседа”.* Впрочем, она не согласна с тем, что из-за этой его неугомонности он был плохим учеником: *“Он был умницей. Я знала многих непосед, которые были очень сообразительны”.*

О днях в начальной школе сам Федерер говорит так: *“Я любил играть с мячами, к какому бы виду спорта они ни относились: теннису настольному и большому, баскетболу, футболу. Я всегда что-то пробовал”.*

Когда ему исполнилось двенадцать, он поступил в прогимназию – вид средней школы, ориентированной на детей, которые в пятнадцать лет намерены пойти в гимназию (дословно: “школа для одарённых детей”). На самом деле, они ни в какое сравнение не идут с английскими гимназиями).

Хотя он так и не пошёл в гимназию, никак не отличился в учёбе и закончил обучение в Национальном центре тенниса Швейцарии, его бы не приняли в прогимназию, если бы он не был умён.

Может показаться, что коридоры школы Нойевельт украшают фотографии “наших выдающихся выпускников”, таких, как братья Якин или Роджер Федерер. В некоторых странах можно было бы представить себе мемориальную доску: “ЗДЕСЬ УЧИЛСЯ РОДЖЕР ФЕДЕРЕР, 1988–1993”. Нет, Швейцария – не такая. Для сегодняшних учеников, родителей и школьных работников Федерер – это просто человек, который учился тут пару десятков лет назад. Возможно, именно отсутствие очевидного преклонения частично объясняет феноменальную нормальность Федерера, его способность оставаться человеком даже перед лицом глобального восхищения, которое он неизменно вызывает.

Федереры часто проводили каникулы в Южной Африке, но когда и Диана, и Роджер пошли в школу, поездки стали реже. В интервью южноамериканскому изданию «*Sunday Times*» Линетт рассказала: *“Когда дети были ещё маленькими, мы постоянно приезжали в Южную Африку, но когда они пошли в школу, мы уже не могли приезжать туда так же часто. Когда в Европе летние каникулы, в Южной Африке зима, а это не так привлекает. Однако мои дети очень-очень любят Южную Африку, особенно Садовый Путь (популярный среди туристов участок южного побережья между Кейптауном и Порт-Элизабет). Когда Роджер ещё был подростком, мы проводили каникулы на южном побережье. Ему нравятся игра и живая природа”.*

Ежегодное издание «Медиа Гид», переименованное теперь в «Официальный гид по профессиональному теннису», издаваемое АТР (изначально Ассоциация теннисистов-профессионалов) и WTA (Женская теннисная ассоциация), без сомнения, одна из библий мирового тенниса. Это поистине гид по миру тенниса, но самое интересное в нём – это биографии ведущих теннисистов, в том числе результаты, основные параметры, краткий обзор карьеры и некоторые личные подробности. В каждом из десяти изданий гида, где фигурирует Федерер, начиная с 2000 года (в том числе и издания 2007–2011 годов, то есть уже после выхода первого тиража «*Фантастического Федерера*») указано, что он начал играть в теннис в восемь лет. На самом деле он начал играть на пять лет раньше, и очень странно, что АТР на это не отреагировал. Сотрудники АТР показывают макеты страниц

игрокам или их агентам перед отправкой в печать, но никто из окружения Федерера на ошибку не указал. Или же Федерер рад тому, что мир думает, будто он начал играть в возрасте восьми лет? На самом деле, несмотря на то, что до восьми лет он не относился к теннису серьёзно, впервые он взял ракетку вскоре после своего третьего дня рождения. Есть даже фотография, на которой он держит деревянную ракетку за шейку (она слишком тяжёлая, чтобы трёхлетний ребёнок мог удержать её за ручку). Фото сделано в клубе «Ciba», в клубе компании, в которой работал его папа, в конце 1984 года.

Роджер стал профессионалом так же, как и многие другие: для его родителей теннис был хобби, они по выходным брали его с собой в клуб, там он хватал ракетку, и это его зацепило. *“Он с самого начала любил спорт”, – говорит его мама.*

Когда ему не хотелось искать партнёров в клубе «Ciba», Федерер брал ракетку и отбивал мяч за мячом от двери гаража у них дома. *“Я помню, что всегда любил играть с дверью гаража, – сказал он в интервью 2005 года, – или даже с дверьми шкафа, с любым мячом. Мою маму это доставало, потому что это “бум-бум-бум” приходилось слушать целый день”.*

Его водили на многочисленные тренировки по теннису, в возрасте шести или семи лет он пошёл на курсы, организованные в Альшвиле, пригороде Базеля, местной ассоциацией теннисных клубов VBTU. На курсах, на трёх больших кортах, тренировалось с десятков детей младше десяти лет. Именно там он встретил Марко Кьюдинелли, который был младше его всего на тридцать три дня, и стал одним из лучших его друзей, с которым они играли в сборной Швейцарии в Кубке Дэвиса.

Приближался восьмой день рождения, а Федерер всё ещё играл в клубе «Ciba». Рейтинга у него не было, так что по умолчанию у него был R9 (самая низкая категория в системе, по которой игроков классифицируют в Швейцарии). Его мама продолжала играть на более высоком уровне в клубе «Олд Бойз», но она начинала понимать, что у сына талант, что в её клубе Роджер мог бы преуспеть, а также то, что «Олд Бойз» подходит ему куда больше, чем клуб «Ciba». Она обратилась к Мадлен Бэрлохер, которая в 1980 году взяла на себя заботы о заброшенной юниорской программе «Олд Бойз» и вдохнула в неё новую жизнь: *“У меня есть сын, который играет в теннис на хорошем уровне. У вас есть хорошая юниорская программа. Я бы хотела, чтобы вы взяли моего сына в вашу команду”.*

Так Роджер Федерер стал новым мальчиком в «Олд Бойз» и сделал ещё один шаг к людям, научившим его играть в теннис.

ГЛАВА 2

Теннисный мир, в который ворвался восьмилетний Роджер Федерер, ждал встречи с многообещающим молодым талантом. У Мадлен Бэрлохер, секретарши, игравшей на Уимблдонском турнире среди юниоров в 1959 году, ещё тогда, когда теннис вряд ли мог предложить какие-то карьерные перспективы, был свой рецепт успешной работы. Его, впрочем, едва ли можно было назвать революционным: она просто делила всех на постоянные группы, которые в установленное время еженедельно тренировались – один на один с тренером и в группах. Некоторых игроков спонсировали молодёжные спортивные организации. Однако эта неоригинальная схема работала. Мадлен привела подходящих тренеров и в течение небольшого времени на своём опыте доказала, что если сможешь привлечь одного-двух хороших человека, то за ними подтянется намного больше не менее хороших людей. Хотя теннисный клуб «Олд Бойз» и располагался в изобильном и утопающем в зелени пригороде Биннинген к западу от центра Базеля, он особо не привлекал богачей. Основанный в 1927 году, он как был, так и теперь остаётся ординарным клубом, где всего семь открытых кортов с грунтовым покрытием и скромное помещение. Крытыми можно назвать лишь два корта, покрытые надувным тентом, причём тогда они были доступны только зимой. Если члены клуба хотели поиграть зимой на крытом корте, то им приходилось рассчитывать лишь на договорённость клуба с теннисным центром «Парадиз». Этот центр, как известно, принадлежит Роже Бреннвальду, спортивному базельскому импресарию, владельцу чемпионата Швейцарии на крытых кортах, который проходит каждый октябрь в главном крытом спортивном комплексе «Санкт-Якоб Холл».

В 80-е годы теннис в Швейцарии по-прежнему не пользовался особой популярностью. Тогда больше любили футбол и зимние виды спорта. На рекламных щитах со звёздами спорта по большей части красовались Пирмин Цурбригген, Мария Валлизер и Френи Шнайдер – фотогеничное трио,

олицетворение золотого века швейцарского горнолыжного спорта, который достойно наследовал более раннему золотому веку, символами которого были Бернارد Русси и Эрика Хесс.

В 1987 году Швейцария наконец попала на Кубок Дэвиса. В эту команду вошли Якоб Хласек, Клаудио Медзадри и Хайнц Гюнтхардт, специалист в парном разряде среди ветеранов, победивший в Уимблдонском турнире в парном разряде в 1985 году. Интерес к теннису резко возрос.

Швейцарцы решили сыграть свой первый групповой матч в Базеле в «Санкт-Якоб Холл», проиграв в феврале 1988 года французской команде, в которую входили Янник Ноа, Анри Леконт и Ги Форже. За пару месяцев до этого Хласек сломал запястье в автомобильной аварии и не смог играть. Впоследствии он вернулся и провёл самый замечательный свой год, закончив в десятке лучших и прославив Швейцарию как страну, играющую в теннис.

В середине 90-х в «Олд Бойз» играл многообещающий игрок Эммануэль Мармиллод, одарённый левша, который мог бы проложить путь, которым Федерер мог бы последовать. Увы, этому не суждено было сбыться. Некоторые считают, что Мармиллода отчасти погубило отсутствие амбиций в швейцарском теннисе. *“Когда появлялся многообещающий игрок, – вспоминает Бэрлохер, – то мы были уверены, что он сможет достичь многого – на национальном, но не на мировом уровне. То же самое произошло и с появлением Роджера: мы просто не мыслили в крупных масштабах, потому что у нас никогда не было того, кто достиг бы таких высот”*.

Связь «Олд Бойз» с мировым теннисом осуществлялась по двум каналам: в связи с проведением ежегодного чемпионата Швейцарии на крытых кортах в «Санкт-Якоб Холл» в Базеле и благодаря присутствию нескольких профессионалов в швейцарской национальной межклубной лиге. У каждого из клубов высшей лиги существовала традиция приглашать одного играющего профессионала – как правило, на закате карьеры – приехать и сыграть несколько матчей в году летом. Это давало клубам возможность сделать свою команду привлекательнее и повысить шансы на победу – даже при том, что они не могут заплатить игрокам ничего сверх суммы, необходимой для покрытия расходов (по крайней мере, официально).

У «Олд Бойз» была национальная команда, и в конце 70-х годов они пригласили британского теннисиста Джона Февера, достигшего девяносто восьмого места в первом мировом рейтинге в 1973 году, чтобы он сыграл три сезона – с 1979 по 1981 год. Февер был настолько очарован духом товарищества и возможностями, предоставляемыми межклубными лигами наподобие швейцарской, что основал национальную лигу в Британии. *“Мы играли потому, что могли проводить хорошие соревновательные матчи на кортах с грунтовым покрытием, – вспоминает он, – что было особенно привлекательно для британцев, поскольку в Великобритании было мало таких кортов. Кроме того, в Великобритании совсем не было межклубной лиги, а ведь это по-настоящему весело. После матча всех ожидает приятный вечер, стейк, пара кружек пива. Порой они даже звонят в церковные колокола. На некоторых матчах у нас была пара сотен зрителей, особенно когда играли команды с приглашёнными профессионалами. Так что одиночные матчи, в которых участвовали два лучших игрока, могли быть весьма привлекательными. Это давало юным игрокам отличные возможности для роста и получения хорошего опыта”*.

Ещё одним приглашённым профессионалом, приехавшим в Базель, был Питер Картер, застенчивый австралиец, которому было тогда чуть за двадцать. Возможно, самым полезным, что Бэрлохер сделала для Федерера, было то, что она попросила Картера потренировать юниоров.

Картер – профессионал из Нереутпы, в Долине Баросса, к северу от Аделаиды, в 1980 году достиг сто семьдесят третьего места в рейтинге АТР.

С юных лет его тренировал Питер Смит, выдающийся тренер из Аделаиды, сыгравший немалую роль в становлении многих австралийских теннисистов: Джона Фицджеральда, Даррена Кэхилла, Бродерика Дайка, Роджера Рашида и Ллейтона Хьюитта (не считая самого Картера).

Кэхилл и Картер были практически одного возраста (они попали в юниоры с разницей в год) и стали хорошими друзьями. Кэхилл вспоминает, как завидовал Картеру, который не только всегда его обыгрывал, но и пользовался гораздо большей популярностью у противоположного пола. *“Он был привлекательным молодым человеком, – говорит Кэхилл о том, кого он называет “Картс”. – Конечно, когда мы выросли из юниоров, я завидовал тому, каким успехом он пользуется у женщин, – его светлые волосы, стиль и характер пользовались большой популярностью”*. Однако в то время,

когда Кэхилл добрался до полуфинала Открытого чемпионата США, карьера Картера застопорилась. В турнирах он не участвовал. В 1989 году он был почти двадцатипятилетним, преследуемым травмами, теряющим позиции в рейтингах. Поэтому он с радостью принял предложение сыграть год за «Олд Бойз» в национальной лиге Швейцарии. Он стал очень популярен, получал богатый опыт и решил остаться ещё на один год.

Как раз в этот второй год Мадлен Бэрлохер спросила его, не хочет ли он потренировать юниоров. Это предложение застало Картера врасплох, ему пришлось побороться с желанием сразу отказаться. Обдумав всё как следует, он согласился попробовать. Он плохо знал немецкий, но, несмотря на это, легко нашёл способ общения с молодёжью, доказал, что подходит на роль тренера, и сжился с этой ролью, занимаясь с командами клуба вплоть до 1997 года. *“У него был образ солнечного мальчика, – вспоминает о Картере журналист из Базеля и тренер по теннису Томас Вириц, – но внутри он был очень серьёзен. Такая комбинация отлично подходит Роджеру. Он также играл в стиле, очень похожем на стиль Роджера: у него были классические удары, особенно одноручный бэкхенд”.*

Таким образом, когда в 1989 году восьмилетний Роджер Федерер пришёл в «Олд Бойз», то нашёл там не только структуру, способную удовлетворить его потребности, но и недооценённую, строго дисциплинированную личность из англоговорящего Южного полушария, готовую руководить его тренировками.

Несмотря на то, что они не проработали вместе и года, Федерер встретил одного из тех, кто оказал огромное влияние на формирование его карьеры. Как-то вечером, пару лет спустя, австралиец позвонил домой отцу и сказал: *“О, я нашёл здесь мальчика, который выглядит многообещающе. Ему около двенадцати или тринадцати, но, думаю, он многого достигнет”.*

Однако Федереру также был нужен тот, кто научил бы его играть в теннис. В клубе «Сіба» он демонстрировал склонности к спорту, равно как и тогда, когда стучал мячом по стене гаража. Но был нужен тот, кто помог бы отточить удары, научить работе ног и движениям в целом и дал бы ему ключ к покорению мира. Тем человеком стал Сеппли Качовски.

Адольф Качовски (Сеппли – это прозвище, которое к нему пристало в Швейцарии) – чех, которому повезло работать тренером в Тунисе, когда в августе 1968 года советские танки вошли в Прагу для подавления “пражской весны”. Когда Александр Дубчек, чехословацкий лидер, пытавшийся построить “коммунизм с человеческим лицом”, был смещён, то граждане Чехословакии фактически потеряли возможность выехать за границу. Так продолжалось до “бархатной революции” 1989 года, когда было свергнуто правление, подконтрольное Советскому Союзу. Будь он дома, Качовски, возможно, никогда не смог бы покинуть страну, и тогда бы история Роджера Федерера была иной. Однако в 1969 году Качовски, который к тому времени активно искал политического убежища, был приглашён в Базель, на пост главного тренера клуба «Олд Бойз». Его первоочередной задачей было *“развитие юниоров и молодых талантов в общем”.*

Качовски, чей девиз *“Мы движемся вперёд”*, ввёл в «Олд Бойз» нечто новое. Главной его инновацией было внедрение системы наставничества, которая предполагала назначение более опытного игрока для тренировок молодёжи и опеки над нею. Он также привнёс в клуб элементы амбиций.

Когда Федерер пришёл в «Олд Бойз» в 1989 году, именно Качовски тренировал его индивидуально. Из всех людей, знавших Федерера, Качовски единственный заявляет, что с самого начала разглядел потенциал этого мальчика. *“Когда он ко мне пришёл, то уже день или два спустя я понял, что он чрезвычайно талантлив, – вспоминает он. – Я работал тренером больше сорока лет, за такое время поневоле научишься понимать, у кого талант есть, а у кого нет. Два дня спустя я понял, что Роджер родился с ракеткой в руке. В нём всё свидетельствовало о том, что у него есть талант: скорость, работа ног, желание усердно трудиться – словом, абсолютно всё”.*

Качовски также увидел в Федерере нечто общее с собой: тот факт, что Роджер был швейцарцем лишь наполовину. *“Я с востока, – говорит Качовски, – я по-другому отношусь к спорту. Я гораздо амбициознее, и мне на каком-то этапе приходилось даже смягчать требования, поскольку швейцарцы были недовольны. Многие жаловались, что я для них был слишком амбициозен. Я считаю, что Роджер амбициознее потому, что он – не*

стопроцентный швейцарец. Вот его отец – настоящий швейцарец, и Роджер унаследовал его спокойствие. Однако амбиции и сила воли у него явно от мамы, не швейцарки”.

Теорию Качовски поддерживают и другие, в том числе Ники фон Вари, игравший с Федерером в одной команде в 90-х, а теперь занимающий пост президента клуба «Олд Бойз». *“В отличие от других стран здесь, в Швейцарии, спорт не воспринимают как профессию, дело всей жизни, – говорит он. – Мы очень озабочены проблемой безопасности при обучении и тренировках и с учётом этого с подозрением относимся к спорту как способу заработать на жизнь”.*

Коби Кун, авторитетный тренер, бывший наставник национальной сборной Швейцарии по футболу, также признаёт, что его работу существенно облегчил поток швейцарцев с двойным гражданством, особенно из тех стран, где футбол имеет более высокий приоритет, чем в Швейцарии (преимущественно стран Юго-Восточной Европы). Он подчеркивает, что именно благодаря этому игроки сборной стремились преуспеть и показывали лучшие результаты по сравнению со сборными, состоящими только из швейцарцев, в которых играл сам Кун.

К сожалению, у истории человека, научившего Роджера Федерера играть в теннис, весьма неприглядный финал. В начале 2006 года, когда приближался шестьдесят пятый день рождения Качовски, комитет «Олд Бойз» сказал ему, что им придётся завершить сотрудничество, по большей части из-за сложностей со страховкой. В марте 2006 года клуб предложил устроить вечеринку, чтобы отблагодарить Качовски за тридцать семь лет его работы. Тот отказался, довольствовались небольшими скромными проводами. На следующий день он исчез. В течение нескольких недель никто в Базеле, даже его жена и дочь, не знал, где он. Оказалось, он вернулся в Чехию, где и живёт по сей день (его жена осталась в Базеле). Это должно было бы быть триумфальным возвращением одной из жертв 1968 года, особенно для того, кто сыграл ключевую роль в формировании стиля игры лучшего теннисиста в мире. Увы, всё пошло не так, как надо: Качовски остаётся чужаком на своей родине, вдали от страны, в которой он оставил величайший результат своего труда.

На протяжении шести лет – с восьми до четырнадцати лет – Сеппли Качовски и Питер Картер были тренерами Роджера Федерера. Эти двое были связаны и вне корта: пару лет Картер встречался с дочкой Качовски, Роми, причём отношения между ними были, судя по всему, довольно бурными. Качовски, фанат одноручного бэкхенда, проводил индивидуальные тренировки, Картер отвечал за групповые занятия, совершенствовал некоторые элементы игры Федерера, а Мадлен Бэрлохер выдвинула юниорскую команду «Олд Бойз» на участие в межклубных матчах. На Роджера оказывали немалое влияние два других тренера, Хаигги Абт и Дэниел Гербер, из команды VBTU – местной ассоциации теннисных клубов Базеля, одной из дюжины местных подразделений национальной ассоциации тенниса. Это была идеальная обстановка для талантливого, быстро обучающегося и амбициозного молодого теннисиста.

Впрочем, такие амбиции проявлялись у него не всегда. Бэрлохер вспоминает одну из ранних тренировок, на которой Роджер хотел играть только с друзьями, хотя они не были лучшими игроками. *“Его мама просила меня ставить его с лучшими, – рассказывает она. – Я так и делала. Его же друзья не были лучшими, но Роджер подошёл ко мне и сказал: “Я же говорил вам, что хочу играть с друзьями”. Не то чтобы он боялся играть с лучшими, просто ему было важнее играть с теми, кто ему нравился. Однако его мама настаивала, чтобы я ставила его с сильнейшими, я так и делала. И вот что в итоге вышло”.*

Журналисты часто спрашивают Федерера, кто был его кумиром в детстве. Чаще всего он называет Бориса Беккера, но порой всплывают такие имена, как Стефан Эдберг и Пит Сампрас. Он признаёт, что более всего его восхищал в них одноручный бэкхенд, хотя сам Федерер всегда исполнял бэкхенд традиционно. Эдберг и Сампрас научились делать его двумя руками и переключились на одноручный вариант, уже будучи подростками. Кроме того, Федерер всегда подчёркивает, что даже если он восхищается каким-либо игроком, то это не значит, что он его копирует. У него есть свой собственный стиль.

Многие из тех, кто помнит Федерера в те годы, описывают его как “*Lausbub*” – швейцарско-немецкое слово, которое чаще всего переводится как “любящий повеселиться негодник” или “шалун”. Очевидно, что под этим не подразумевается ничего плохого, хотя повеселиться он умел. Так, во время группового матча в другом клубе Базеля на всех кортов не хватило, так что Федереру пришлось ждать своей очереди. Когда корт, наконец, освободился, его никак не могли найти: он забрался на высокое дерево, чтобы понаблюдать за тем, что происходит, и выяснить, сколько времени потребуется на его поиски.

В развлечениях компанию Роджеру составлял его друг Марко Кьюдинелли, который, как вскоре выяснилось, развивался медленнее: он достиг наивысшей за карьеру пятьдесят второй позиции в феврале 2010 года. Оба мальчика жили в пригороде Базеля, Мюнхенштайне: Федереры – в Им Вассерхаус, Кьюдинелли – в двухстах метрах – в Поппелвег. Мальчики часто встречались и ехали на велосипедах в «Олд Бойз», где вместе тренировались, а потом также вместе ехали домой. *“Мы много занимались спортом, – вспоминает Кьюдинелли. – Мы всегда были практически на одном уровне во всем, за исключением тенниса. Тут он всегда побеждал. Мы также вместе играли в сквош на корте с теннисными ракетками и мячами для сквоша. Это было весьма опасно – конечно, для ракеток!”*

Описывая Федерера, Ники фон Вари тоже употребляет слово “*lausbub*”. Он говорит: *“С ним никогда не было скучно. Они с Марко Кьюдинелли были лучшими друзьями – они ведь одного возраста и выросли с нами в клубе. И когда эти двое собирались вместе, то мы точно знали, что эта сумасшедшая компания была поблизости, а теннисный клуб терял покой”*.

Особенно тяжело было на тренировках. *“На тренировках мы дурачились, – признаёт Кьюдинелли. – Мы быстро теряли интерес к работе, много болтали. Было очень беспокойно. Ракетки летали туда-сюда, во всех направлениях. Это, вероятно, было самое опасное из происходящего. Нас частенько отправляли на пробежку или же просто домой. Питеру Картеру было с нами непросто”*.

Пока Марко и Роджер вели себя как типичные шалопаи, Бэрлохер заметила, как выяснилось впоследствии, судьбоносный нюанс: *“Когда Роджер дурачился с друзьями, он всегда говорил: “Я буду первым”. Он выполнял отличный удар, затем останавливался и говорил: “С этим ударом я собираюсь выиграть Уимблдонский турнир”. Очевидно, это была шутка – все мальчишки так делают, – но именно это он говорил”*.

Менее приятной чертой этой развесёлой личности был его нрав, весьма далёкий от того спокойствия и сдержанности, которую Федерер демонстрирует на корте сегодня. **Один из его тренеров даже назвал его “маленьким сатаной” на корте. Ему было очень трудно признать поражение, он швырял ракетку, кричал и ругался.**

Когда Федереру было одиннадцать лет, состоялся один известный матч. Когда бы он не играл дома, казалось, он всегда сталкивался с Дэни Шнидером, младшим братом Патти Шнидер, которая потом вошла в десятку лучших теннисисток. Дэни был злейшим врагом Роджера. Однажды эти двое играли в финале чемпионата Базеля среди юниоров. Шнидер был первым в Швейцарии, Федерер занимал второе место среди теннисистов младше двенадцати лет. Томас Вирц вспоминает: *“Они играли в этом матче, оба швыряли ракетки, оба ругались и оба получили предупреждение от наблюдателя. Это было ужасно, но в то же время и весьма занятно”*.

Мадлен Бэрлохер говорит, что Федерер не выносил, когда соперник хорошо играл против него. *“Он часто говорил: “Везунчик!”, и пару раз мне приходилось ему говорить: “Успокойся. Знаешь, есть и другие люди, хорошо играющие в теннис”. Суть в том, что ему никогда не нравилось проигрывать, и это было заметно по ранним годам его профессиональной карьеры в его отношении к регулярно побеждавшим его игрокам наподобие Агасси, Хьюитта и Налбандяна”*.

Однажды после поражения в межклубном матче он был так зол, что все глаза выплакал и спрятался под вышкой судьи. Бэрлохер, представителю группы, пришлось потратить немало сил, чтобы убедить его вылезти. Годы спустя она спросила Федерера, помнит ли он это. Он сказал, что нет. Но он вспомнил другой случай, который также демонстрирует его характер.

В один из первых своих межклубных матчей в Лиге Базеля «Олд Бойз» играл в клубе, у которого было всего два корта и не самая лучшая репутация. В свои десять лет Федерер был самым маленьким в команде из шестерых человек. Матчи проходили в формате шести одиночных и трёх парных, так что приходилось много ждать, когда матчи завершатся, а корты освободятся. Федерер не должен был играть в первых двух матчах. Во время первых матчей стало понятно, что в другой команде был игрок, постоянно кричавший с края корта, пытаясь повлиять на контроль касания линий. Бэрлохер вмешалась, прозвучали взаимные оскорбления. Понимая, что между командами появляется неприязнь, она решила не ставить Федерера в одиночные матчи. *“Он был самым юным из всех, он бы играл против кого-то, кто жульничает при контроле касания линий, и я боялась, что что-нибудь может случиться, – рассказывает она, – и он так разозлился на меня за то, что я дала ему играть только в парных матчах. Он помнит это! Я беспокоилась, что они посмотрят на него и скажут: “О, совсем малыш. Мы с ним можем повеселиться. Можно мошенничать, он не сможет нам перечить”. Я знала, что Роджер помешан на правде. У него очень сильное чувство справедливости. Он никогда не засчитывал себе касание, если не был абсолютно прав, но если кто-то на другой стороне сетки несправедливо засчитывал себе касание, он так злился, что начинал швырять ракетку. Вот почему я не хотела им рисковать. Я хотела его защитить, а он был страшно зол на меня”.*

Для Федерера слезы разочарования и честолубия на юниорских матчах были обычным делом, но ему была свойственна и доброжелательность. Марко Кьюдинелли вспоминает, как впервые играл с Федерером в официальном матче: *“Нам было лет восемь или девять. Он не очень-то умел проигрывать, да и я тоже. Спустя примерно шесть игр он сильно от меня оторвался, и я начал плакать. Тогда он подошёл ко мне на смене сторон и, утешая, сказал: “Всё будет хорошо”, – и действительно стало. Спустя примерно пять игр я получил преимущество, и тогда он начал плакать, так что я подошёл к нему и сказал: “Не расстраивайся”, и вскоре он победил. Вспоминаю это, я понимаю, что это был прекрасный момент, поскольку можно было понять, что мы были друзьями”.*

Федерер признаёт, что бывали времена, когда он знал, что его родители наблюдают за ним с террасы «Олд Бойз», и он терял самообладание на корте. Они просили его быть поспокойнее, и однажды, когда это вновь прозвучало, он резко ответил: *“Идите выпейте чего-нибудь и оставьте меня в покое”.* Федерер вспоминает, что домой семья ехала *“в полном молчании. Я вёл себя как идиот”.*

Взвинченный сгусток эмоций на корте, за его пределами он становился очень вежливым и воспитанным. Местные журналисты, имевшие с ним дело в те годы, рассказывают о счастливом и любезном мальчике. Федерер безошибочно реагировал на влиятельных людей: Бэрлохер утверждает, что в её присутствии он редко швырял ракетку, хотя речь его могла весьма красочной. Это беспокоило его родителей. *“Однажды Линетт подошла ко мне и попросила сделать что-нибудь с его руганью, – вспоминает Бэрлохер. – Я же считала всё это вполне безобидным, тем более что в моем присутствии он всегда вёл себя хорошо. У меня было множество детей, которые вели себя куда хуже Роджера. В то же время я была крайне озабочена тем, чтобы привить высокие стандарты поведения, поскольку знала, что плохое [негативно скажется] на клубе”.*

Сеппли Качовски заметил в приступах гнева Роджера на корте ещё кое-что: *“Я знавал довольно много теннисистов, которые, плохо отыграв, злятся на себя, не могут принять поражение и говорят: “Сдаюсь. Больше не буду играть в теннис”. Роджер такого никогда не говорил. Он злился, ему было трудно принять поражение, но он ни разу не сказал: “Сдаюсь”.*

Когда Федерер выиграл у Гастона Гаудио со счётом 6–0, 6–0 в полуфиналах Мирового тура АТР 2005 года в Шанхае, то его спросили, правда ли, что он никогда прежде ещё не побеждал в матче с таким счётом. *“Правда”*, – ответил он и тотчас добавил, что однажды проиграл со счётом 6–0, 6–0, но это было ещё в юниорах.

На самом деле это был его первый официальный матч. Спустя две недели после его десятого дня рождения проходили региональные чемпионаты Базеля. Они проходили в теннисном комплексе «Грюссенхёлцли» в Праттельне, промышленной местности поблизости от автомагистрали, выводящей транспортные потоки из Базеля в Берн и Цюрих. По правилам в определённой возрастной группе можно играть до тех пор, пока на день начала года возраст участника не превышает установленную планку. Поэтому Федерер мог играть в группе тех, кому младше десяти, однако, поскольку в ней было

слишком мало участников, его определили к тем, кому было меньше двенадцати. В первом раунде он играл против Рето Шмидли, мощно сложенного мальчика, который к тому же был старше на два года и восемь месяцев. В этом возрасте разница почти в три года могла сильно повлиять на исход матча, и, поскольку Федерер был там одним из самых маленьких, так и получилось. Он не победил ни в одной игре.

Много лет спустя, когда его спрашивали об этом поражении, он отвечал: *“Это был единственный раз, когда я проиграл со счётом 6–0, причём я играл не так уж плохо!”* В настоящее время Шмидли служит в полиции Базеля. После того как в первом издании этой книги было обнаружено его имя, он стал чем-то вроде случайной знаменитости. *“Я знал, что выиграл у него со счётом 6–0, 6–0, – говорит он, – но я и понятия не имел, что я был единственным, которому это удалось. Конечно, мне малость повезло – я был настолько сильнее его в то время. Однако с учётом того, чего он добился с тех пор, я горжусь тем, что сделал”.*

Когда Федереру было одиннадцать лет, он занял второе место в рейтинге своей возрастной группы в Швейцарии, и 13 июля 1992 года он впервые удостоился упоминания в первой колонке местной ежедневной газеты *«Basler Zeitung»*. В финале национального турнира среди игроков младше двенадцати лет с низким рейтингом он проиграл Джуну Като, проживающему в Женеве японскому теннисисту, который впоследствии выступил за Японию в Кубке Дэвиса. Как бы то ни было, год спустя Федерер победил в национальном чемпионате Швейцарии среди игроков младше двенадцати лет. Но разве мог кто-либо из присутствовавших разглядеть в этом рождение чемпиона?

К их чести, большинство из тех, кто его помнит, признают, что не могли этого утверждать. *“Сейчас многим нравится думать, что они всё предвидели, – говорит Ники фон Вари, – но, насколько я помню, никто никогда всерьёз не ожидал, что Роджер поднимется на такие высоты. По крайней мере, не когда ему было одиннадцать или двенадцать”.*

Томас Вирц помнит, как наблюдал за двенадцатилетним Федерером, победившим в национальном чемпионате, и помнит, что как раз подумал, что эти приступы гнева на корте ему помешают. *“Уже тогда можно было видеть, какие хорошие у него руки, но, реализовав два или три удачных момента, он вытворял что-нибудь дикое – и швырял ракетку. Он был не слишком дисциплинированным, так что сложно было утверждать, что он шёл по пути величия”.*

Даже в 1992 году, когда Марк Россе выиграл золотую медаль для Швейцарии в летние Олимпийские игры в Барселоне, когда они с Якобом Хласеком привели швейцарцев к их первому финалу Кубка Дэвиса, швейцарским теннисистам всё ещё не хватало амбиций. *“В то время уровень Швейцарии был не слишком высок, так что мы не стремились к таким высотам, – говорит Мадлен Бэрлохер. – Не могу сказать, что я или кто-либо из нас вообще думал, что Роджер добьётся столь многого. Я всегда говорила ему: “Роджер, ты должен сам решить, чего ты хочешь достичь в теннисе. Мы можем тебе помочь, но ты должен знать, чего хочешь достичь”. У нас было много юниоров, и он всегда был самым юным, и мы знали, что он хорош, но чтобы он стал лучшим в мире? Должна признать, мы об этом не думали”.*

Как насчёт тех, кто знал его на корте? *“Я думал, что он будет участвовать в турнире АТР, – говорит Марко Кьюдинелли, – потому что с ранних лет он играл в соревнованиях Швейцарии, и на самом деле казалось, что в нём есть нечто особенное. Но не думаю, что кто-то тогда мог предположить, что он достигнет столь многого”.*

Одним из тех, кто был не из Базеля и видел Федерера в возрасте тринадцати или четырнадцати лет, был Даррен Кэхилл. Он сопровождал своего друга в Базель, когда Картер впервые пришёл в «Олд Бойз», и однажды ему выпала возможность понаблюдать за одной из тренировок Федерера. *“Мы посмеялись, когда он спросил меня, что я думаю о мальчишке, – вспоминает Кэхилл. – Я сказал, что думал: да, он очень хорош и смотрится хорошо, но у меня в Южной Австралии есть кое-кто получше, и я с ним работаю. Это был Ллейтон Хьюитт. Меня поразило то, что Роджер во всём был расхлябанным. У него был очень быстрый форхенд, и он пропускал много мячей, особенно когда исполнял бэкхенд, он сумбурно работал ногами и лениво – стопами. Казалось, что он играл во французской манере: беспечно, с большими ударами и чрезвычайно расхлябанно. Можно было видеть,*

что у него превосходные руки и хорошая зрительно-моторная координация, что он пытался творить на корте чудеса – уже тогда, в том возрасте. Однако он часто даже не попадал в нужный квадрат”.

Единственный представитель базельского общества, напрямую контактировавший с Федерером в начале 90-х, который заявляет, что сразу разглядел потенциал, – это Сеппли Качовски, человек, научивший его ударам. Я взял интервью для этой книги у Качовски ещё до его бесславного демарша из Базеля. Он оказался строгим, но чрезвычайно приятным человеком шестидесяти лет, преисполненным восторга и любви к теннису, которые ему удавалось передавать своим ученикам. Легко представить, как взволновали его быстрые удары мальчика. Сам он утверждал, что особую веру в этого парня вселяли способности Федерера быстро учиться и оправляться от поражений. *“Учебный процесс с ним шёл невероятно быстро, мне никогда не приходилось повторять что-либо. У него была исключительная способность схватывать на лету всё, что бы я ни говорил. Между головой и ракеткой протянут длинный кабель, большинству людей надо много времени для того, чтобы усвоить мои уроки. Но Роджер понимал сразу и всё. Я видел это, тренеры это видели, клуб это видел”.*

Качовски также заметил, что желание Федерера учиться полностью совпадало с его способностями. *“Уже тогда он ненавидел проигрывать, но всегда делал правильный вывод: “Если я не хочу проигрывать, то должен работать усерднее». Если он побеждал со счётом 6–1, 6–1, то зачастую задавался вопросом, как следовало играть, чтобы победить 6–0, 6–0. Я был с ним весьма строг, пусть и по-дружески. Он всё-таки был довольно маленьким и физически менее крепким, чем кто-либо ещё, но он играл с такой великолепной техникой, что это позволяло ему побеждать во многих матчах, даже когда он был слабее в физическом плане. Опять же, его отец не был высоким, поэтому мы не были уверены в том, насколько он в итоге вырастет”.*

“Ему никогда не было достаточно тренировок, – добавляет Качовски. – Мы долго тренировались, он очень усердно работал, и потом, когда всё заканчивалось, он шёл отбивать мячи от стены или искал партнёра, с которым он мог бы поиграть ещё. И он всегда говорил: “Я буду лучшим!” Никто ему не верил. Мы видели, что у него был потенциал, что он смог бы стать звездой в швейцарском теннисе, но он говорил, что собирался стать лучшим в мире. Он не единственный тринадцатилетний или четырнадцатилетний мальчик, который так говорил, но он постоянно держал это в уме и работал для того, чтобы достичь этого”.

Всё это похоже на правду, но бывший спортивный редактор «Basler Zeitung» Бит Каспар помнит, что первое время у Качовски были проблемы с Федерером. *“Возможно, что он и признавал его талант, но ему приходилось удалять Федерера с тренировок, потому что тот был порой просто невозможен. Долгое время ему не разрешалось играть с лучшими, потому что его голова всегда была полна глупыми идеями”.*

И ещё: его очень отвлекал футбол. Любовь Федерера ко всем видам спорта, особенно с мячом, сделала его весьма умелым футболистом. Он присоединился к клубу «Конкордия Базель», играл на позиции нападающего. *“Лично я убеждён, что если бы он выбрал футбол, то вошёл бы в сборную Швейцарии, – вспоминает Сеппли Качовски. – Я видел его лишь дважды, но он в этих двух матчах забил три гола. В одном из них он получил мяч на своей половине, вёл его шестьдесят метров и забил гол. У него был талант”.*

Федерер признаётся, что считал себя *“весьма хорошим, весьма искусным”* футболистом и играл с той же страстью и тем же духом соперничества, что и в теннисе. Его друг Марко Кьюдинелли тоже играл, присоединившись к юношеской команде клуба «Базель», и несколько раз эти двое выходили на поле друг против друга. *“Мы оба были так решительно настроены на победу, – говорит Марко. – Когда мы побеждали, он плакал. А когда побеждала «Конкордия», плакал я. Это для нас много значило”.*

Поговаривают, будто Федерера звали в юношеские команды футбольного клуба «Базель». Это вымысел, и он сам отрицает, что когда-либо получал такие предложения. Хотя в настоящее время футбольные клубы и в самом деле демонстрируют всевозрастающий интерес к юным дарованиям, но в начале 90-х у клуба «Базель» была своя молодёжная команда, а Федерер играл за другой клуб. (Когда Федерера сейчас спрашивают об этом, он говорит: *“Хотел бы я получить такое предложение!”*) С тех пор как он прославился как теннисист, ему начали поступать предложения

потренироваться с командой футбольного клуба «Базель». Он любит фотографироваться с игроками клуба, но всегда отказывается от тренировок, несомненно, из-за опасения получить травму, которая могла бы навредить игре в теннис.

Как только он стал национальным чемпионом среди теннисистов младше двенадцати лет, остро встал вопрос: какой спорт предпочесть? *“На неделе я занимался и теннисом, и футболом, – рассказывает он, – но отдавал предпочтение теннису, потому что всё равно не мог посещать все футбольные тренировки. В конце концов, тренер сказал, что если я не буду посещать все тренировки, то он не сможет ставить меня в команду на матчи по выходным. А я всё равно не мог участвовать во всех этих матчах, потому что также пытался играть на турнирах по теннису. Конечно, я осознавал, что играю в одной из лучших футбольных команд, да ещё в старшей возрастной группе. Но я знал также, что не смогу всю жизнь заниматься и футболом, и теннисом, что мне нужно улучшить работу левой стопы – это никогда не было моей сильной стороной, – и в итоге я принял решение сосредоточиться на теннисе”*.

Оба его родителя также были за теннис – мама относилась к этому очень серьёзно. Возможно, что этот факт помог принять окончательное решение. И хотя порой он и задаётся вопросом, что бы было, если бы он выбрал футбол, но никогда не жалеет об этом решении. *“Теннис мне нравится больше, потому что я люблю держать всё под контролем. В теннисе всё зависит от меня – я не могу винить в поражениях вратарей или кого-то другого. Я счастлив, что выбрал теннис. В конце концов, для меня это не было трудным решением”*.

Отточив удары, которым его научил Сеппли Качовски, Федерер к двенадцати годам обнаружил, что Питер Картер оказывает на его игру всё большее влияние. Картер никогда не был личным тренером Федерера в «Олд Бойз», он занимался с группами, причём его возрастающее тренерское мастерство улучшило игру многих в его командах. *“Если бы вам нужно было найти идеал спокойствия человека, в каком бы то ни было контексте, то Питер Картер был бы лучшим примером, – говорит швейцарский журналист Марко Мордасини. – Он сформировал Роджера. Он взял этот сгусток энергии, необходимые составляющие и соединил всё это. Как если бы он взял не огранённый алмаз и отшлифовал его”*.

И Мадлен Бэрлохер, которая попросила Картера тренировать команды «Олд Бойз», вспоминает: *“Тренировки с Питером Картером были безупречны как с точки зрения техники, так и на человеческом уровне. Питер был очень привлекательным, но очень сдержанным, он никогда не лез на передний план. Если у молодёжи были проблемы, то он отводил ребят в сторону и говорил с ними. Он мог очень хорошо говорить с ними. В то же время, если кто-то плохо себя вёл, он его просто прогонял. Порой он и Роджера отправлял домой”*.

Марко Кьюдинелли думает, что у Картера было великолепное качество: он мог сказать каждому своему подопечному, над чем им нужно было поработать. *“Отличное это было время, с Питером Картером, – говорит он. – В моей карьере было три периода, когда я действительно мог повысить свой уровень. Первый из них был как раз тогда, когда я пришёл в «Олд Бойз» и работал с Питером. Думаю, что и у Роджера было то же самое. Хотя Сеппли и был очень хорошим учителем, но Роджеру нужен был Питер, который мог помочь ему выйти на следующий уровень”*.

Всё ещё оставалась нерешённой проблема вспышек гнева, которые по-прежнему случались у Федерера на корте. Он выходил на корт, входил в хороший ритм, а потом начинал дурачиться и терял концентрацию. Позже он признал: *“Когда мне было десять, двенадцать, четырнадцать, я вёл себя отвратительно. Это было так ужасно, что даже забавно – я часто швырял ракетки, комментировал каждый удар, потому что просто не мог принять поражение. Я был очень талантлив и думал: “Как такое возможно, что я плохо играю?”*

Его мама, Линетт, позже вспоминала в интервью для газеты: *“Я говорила Роджеру: “Своими вспышками гнева ты говоришь своему противнику, что готов к тому, что он тебя обыграет. Ты как бы высылаешь приглашения. Ты этого хочешь?” В другой раз она признала: “Этот этап был частью его взросления, но, когда он плохо себя вёл, мы всегда ему говорили, что это плохо и что нас это расстраивает. Мы говорили: “Успокойся, Роджер. Возьми себя в руки. Соберись. Неужели проигрешь в матче – такая уж катастрофа?”*

Некоторые в «Олд Бойз» беспокоились, что их одарённый юноша мог растерять весь свой талант, забавляясь и теряя спокойствие. Однако совместная работа Питера Картера и родителей Роджера оказала огромное влияние на мальчика. В то время как Картер помогал Федереру двигаться

вперёд в игре, Линетт и Робби показывали ему ориентиры для поведения. Швейцарский теннисный импресарио Роже Бреннвальд, встретивший Федерера впервые, когда тому было двенадцать лет, говорит: *“Он должен за многое благодарить семью. Его родители заложили в него определённые идеалы и ценности. Именно благодаря этим ценностям он преодолел все свои кризисы, в том числе и тот, что случился из-за результатов в 2008 году”*.

В теннисе высочайшего уровня Федерер отметился ещё одним образом: он был мальчиком, подававшим мячи. В 1994 году они с Марко Кьюдинелли подавали мячи на чемпионате Швейцарии на крытых кортах, и это дало им возможность познакомиться с величайшими именами в спорте.

Федерера также приглашали подавать мячи в «Олд Бойз» на женском отборочном турнире, который проходил в клубе ежегодно до 2002 года. Это был 1994 год, когда двумя финалистками стали Мартина Хингис и Патти Шнидер. Впоследствии они вместе с самим Федерером стали тремя из шести самых успешных теннисистов Швейцарии за всю историю.

К весне 1995 года Федерер получил рейтинг R2 в Швейцарской системе (по сути, на региональном уровне он был на второй ступени). Это было неплохо для тринадцати лет, но до национальных рейтингов, к которым он стремился, было ещё очень далеко. В тот год он достиг четвертьфинала чемпионата Базеля и уверенно двигался вперёд. Однако уже звучали тревожные сигналы.

В середине 90-х официальное швейцарское теннисное издание выражает беспокойство по поводу того, как обращаются с наиболее многообещающими молодыми теннисистами страны. В одной из заметок говорилось о величайшем таланте, игравшем в «Олд Бойз» до Федерера: *“Эммануэль Мармиллод является превосходным примером отсутствия долгосрочного планирования. Хотя этот базелец располагает огромным талантом и мог легко сделать карьеру к восемнадцати годам, он сейчас внезапно осознал, что без необходимой работы не попадёт никуда, ни на национальном, ни на мировом уровне”*. В другой заметке перечисляется группа юниоров (в том числе и Федерер. Какая ирония!), которые называются *“талантами, которым не дают раскрыть свой потенциал из-за системы обучения или того, что общество ещё не готово принять совместную работу образования и спорта высочайшего уровня. Что-то необходимо менять!”*.

Нет никаких сомнений в том, что Линетт Федерер видела эти заметки. Однако ничто не говорит о том, что они каким-либо образом повлияли на семью Федереров. Они, как бы то ни было, знали, что программа *«Теннисные этюды»*, реализуемая в Национальном теннисном центре Швейцарии в Экюблане, на окраине Лозанны, – это потенциально следующий шаг для тринадцатилетнего Роджера. Она давала возможность продолжить обучение в атмосфере тенниса. Для того, кто не очень-то любил ходить в школу, в том числе и для Роджера, это был шанс.

Кроме того, это давало возможность узнать, так ли он хорош на самом деле. Сейчас он утверждает, что у него был *“ужасный бэкхенд”*, и, хотя в этом заявлении может быть доля скромности, без сомнений это была его слабая сторона. После того как он проиграл Дэни Шнидеру в возрасте двенадцати лет на турнире во Франции, Федерер испытывал такое отвращение к своему бэкхенду, что начал работать над двуручным бэкхендом. Однако и это не сработало. Он говорит: *“Я думал: я не могу делать даже этого. Так что лучше останусь со своим плохим одноручным бэкхендом. Слава богу, что я так и сделал”*. Даррен Кэхилл, впервые увидевший Федерера, когда тому было около тринадцати, говорит: *“У него были большие проблемы с бэкхендом. Он всегда хорошо делал шаг влево, избегал бэкхенда и использовал форхенд, но если тебе удавалось заставить его использовать бэкхенд, значит, ты был в очень хорошей форме”*.

Интересно, что когда Федерер проходил трёхдневный вступительный тест в Национальном теннисном центре в марте 1995 года, то начал овладевать своим бэкхендом, доказывать, что может выполнить не только резанный бэкхенд. Он играл на быстром корте и понял, что с одним резанным ударом далеко не уедешь. И он превосходно сдал тест, ясно дав понять тренерам, что очень хочет участвовать в программе. В то же время отъезд в Экюблан означал, что ему надо выйти из-под опеки Питера Картера. Более того, предстояло оставить семью в Базеле и, по меньшей мере, пять дней в неделю жить в другой части страны, а ведь он с трудом говорил на языке той местности. Он всегда признавал, что семья для него очень важна. У него и в «Олд Бойз» всё замечательно, так что есть ли необходимость покидать родные места?

Его родители были рады, что удалось показать ему теннисный центр, указать на другие возможности достичь новых вершин карьеры. Но казалось, что Роджер твёрдо намеревался остаться в Базеле. По дороге домой после вступительного тестирования он сказал родителям: *“Ноги моей больше в Экюблане не будет”*.

ГЛАВА 3

В Экюблан Федерер приехал несколько дней спустя после своего четырнадцатого дня рождения и всего спустя пару месяцев после того, как поклялся, что ноги его больше не будет в Национальном теннисном центре Швейцарии. На первый взгляд может показаться, что решение принять участие в программе *«Теннисные этюды»* было импульсивным, но, что более вероятно, оно было осознанным. Вскоре после того, как Роджер прошёл тестирование, журналист из швейцарского теннисного журнала *«Smash»* спросил его, не думал ли он о том, чтобы поехать в Экюблан. *“Возможно, – ответил он. – Никогда не знаешь наверняка”*. Эта цитата отправилась в печать. Его родители, приведённые в замешательство его категоричным заявлением в машине после первого визита в центр, спросили его об этом, на что Роджер ответил: *“Ну, раз там так написано, то я еду”*. Линетт утверждает, что они на него не давили. В интервью британской газете *«Daily Telegraph»* она подчеркивает: *“Мы – неразлучная семья, но Роджер ещё в очень раннем возрасте принял решение, что хочет играть в теннис вне дома. Мы с отцом считали своим долгом поддержать его и его планы, помочь развить уверенность в себе, помочь, если что-то пойдёт не совсем так, как он бы хотел. Мы никогда не принуждали его что-либо делать. Мы позволили ему развиваться самому. Он самостоятельно принял множество важных решений, будучи ещё младше. Это был ключ к его успеху. Он научился быть очень самостоятельным”*. К 1995 году Национальный теннисный центр Швейцарии был в каком-то промежуточном состоянии. В 1992 году национальная ассоциация *«Швейцарский Теннис»* (это название используется с 1980 года, чтобы избежать необходимости писать немецкую, французскую и итальянскую версии названия *«Швейцарской Теннисной Ассоциации»* на каждом официальном документе) страдала от серьёзного внутреннего раскола. В ней велись жаркие споры о том, как лучше организовать развитие талантов страны. В итоге на следующий год четыре региональных теннисных центра слились в один в Экюблане, живописном городе на берегах Женевского озера, к западу от Лозанны. Она послужила временным пристанищем до 1997 года, когда в Биле открылся новейший центр, построенный специально для этих целей. Даже выбор Били имел политическую подоплёку. Конечно, у него были свои преимущества как у места размещения нового административного и тренировочного центра. Однако город был выбран ещё и из-за географического положения: прямо на лингвистической границе между немецко- и франкоговорящей Швейцарией (поэтому на картах зачастую можно увидеть вариант *“Biel/Bienne”*, где *“Bienne”* – французское название города).

Программа *«Теннисные этюды»* была начата в 1993 году. Целью её было дать наиболее многообещающим теннисистам шанс максимально развить свой талант, не пренебрегая при этом учёбой. Когда Федерер прибыл, то время, отведённое на школьные уроки, уменьшилось с тридцати часов в неделю до двадцати. Программа была учреждена одним из наиболее опытных европейских тренеров, Жоржем Деньё, который, однако, стал жертвой конфликтов в *«Швейцарском Теннисе»* в 1992 году. Ко дню прибытия Федерера центром управляли его заместители, Кристоф Фрейсс (ответственный за тренерство) и Пьер Паганини (ответственный за спортивную программу). После трудного первого года репутация центра в швейцарском теннисном мире резко выросла: всего на третий год работы центра на четыре места в нём претендовало шестьдесят юных дарований. Шестьдесят сократили до шестнадцати, которым позволили пройти вступительное тестирование. Оно состояло из бега, курса оценки физического состояния, демонстрации различных ударов и проверочного матча, в котором анализировалась техника и поведение кандидата в условиях соревнования.

Во время тестирования Федерер так впечатлил двух глав программы, что ему тотчас же предложили место. Фрейсс сказал о нем: *“Он демонстрирует природный талант наравне с базовой техникой, в которой не было значительных слабостей. Однако в течение следующих нескольких месяцев ему нужно будет много работать физически. Важным критерием отбора было то, что Роджер чётко дал понять, что он действительно хочет прийти в Экюблан”*. Вот вам и *“ноги моей там не будет!”*.

Когда в 1995 году Федерер приехал в Экюблан, в центре было около десятка молодых игроков, мальчиков и девочек. Было невозможно разместить более пятнадцати человек, потому что у центра был доступ только к четырём крытым кортам с твёрдым покрытием, четырём открытым кортам с грунтовым покрытием и маленькому спортзалу, которые сдавал в аренду «Швейцарский Теннис». В определённое время студенты могли использовать футбольное поле и беговую дорожку в ста метрах от теннисных площадок. У них было своё жильё – студии или комнаты в квартирах для старших или размещение в семьях для тех, кто ходил в местную школу.

Обычный день для обитателей центра начинался со звонка, будящего всех где-то в полседьмого, уроки начинались без пятнадцати восемь, занятия у тех, кто участвовал в программе «Теннисные этюды», заканчивались не позднее часа дня. Затем ученики затем направлялись в теннисный центр на двухчасовую тренировку. Далее следовал часовой урок физкультуры, и лишь потом они уходили домой, чтобы быстро пообедать. По выходным центр был пуст, его обитатели либо разъезжались по домам, либо чаще всего принимали участие в турнирах ещё где-то в Швейцарии. Любую домашнюю работу нужно было выполнять по вечерам в течение недели.

В центре, помимо Фрейсса и Паганини, работали и другие тренеры, например, Алексис Бернард был одним из тех, кто работал с Федерером. Однако Фрейсс лично строго контролировал не только программу, но и расписание турниров каждого игрока. На трёх-четырёх игроков приходилось по одному тренеру. Когда же они отправлялись на турниры, то каждый тренер присматривал за множеством теннисистов. В Экюблане всё было по-французски – и учёба, и общение в принимающих семьях. Французский также был языком теннисного центра. Многочисленные дети из немецкоговорящей части Швейцарии могли говорить на немецком лишь друг с другом. С тренерами и руководителями им приходилось говорить по-французски.

В статье, опубликованной Томасом Вирцем в «Basler Zeitung» в марте 1995 года, с гордостью сообщается, что Федерер стал первым игроком из Базеля, принятым в программу «Теннисные этюды». Там же цитируются слова его отца Робби о том, что учёбу нельзя игнорировать: *“Роджер не самый прилежный ученик. Но благодаря тому, что у него будет доступ к индивидуальным консультациям, а в центре за образованием следит Аннамари Рюгг, мы уверены, что с этим не будет больших проблем”*. Вирц заканчивает статью интересным наблюдением: *“Федерер теперь закрепил за собой место в команде «Теннисных этюдов», после летних каникул он начнёт второй этап обучения, который может вскоре привести к тому, что он станет очень хорошим теннисистом”*.

То, что Федерер пережил первую пару месяцев, уже можно назвать достижением. Он не очень хорошо говорил по-французски и сильно скучал по дому. Он признаётся, что несколько раз был близок к тому, чтобы собрать вещи и вернуться домой. *“Для меня первые полгода были очень тяжёлыми, – говорил он в нескольких интервью. – Я хотел домой. Я не был там счастлив. Когда в воскресенье вечером мне нужно было возвращаться, я плакал”*. Он рассказал швейцарскому журналисту Роже Жонину: *“Я был швейцарским немцем, над которым все смеялись. Ко мне придирались. Возвращаться в Экюблан воскресными вечерами было тяжело. Очень тяжело”*.

Все истории того времени объединяет то, что Роджер часто становился объектом злых шуток. Например, часто случалось, что он записывался на массаж, а когда приходил в назначенное время, то обнаруживал, что его имя стёр старший мальчик, занявший его место. Короче говоря, он столкнулся с издевательствами.

Разочарование выплёскивалось на корте: Федерер самовыражался посредством впечатляющих форхендов и бэкхендов. Однако стресс вне корта не способствовал хорошему поведению, и он стал известен тем, что швырял ракетки. Из местной важной персоны – ведь всего за месяц до отъезда в Экюблан он победил в швейцарском национальном турнире среди теннисистов младше четырнадцати! – он превратился в самую ничтожную фигуру в серьёзном окружении. Он был маленьким – как по росту, так и по положению.

Одним из старших теннисистов в центре, когда туда приехал Федерер, был Ив Аллегро. Он был на три года старше Роджера, вошёл в список пятидесяти лучших теннисистов мира в парном разряде и играл вместе с Федерером в Кубке Дэвиса и теннисном турнире на Олимпийских играх 2004

года. Он помнит, что Федерер часто начинал плакать от того, что ему было так сложно со всем справиться, постоянно звонил домой, и вообще “*тяжело ему было*”. Однако именно в это тяжёлое время он развил в себе упрямое желание преодолеть всё. Несмотря на то, что первые недели в Экюблане ставили его в безвыходные ситуации, в том числе и в матчах, он усвоил уроки, сделавшие его сильнее для той жизни, что началась на мировой арене. Его мама сказала британскому журналисту Марку Ходжкинсону: “*Это был огромный жизненный урок для него. Он усвоил, что не всегда всё идёт по твоему и что с одним талантом многого не добьёшься. Нужно работать. Я знаю, что Роджеру не всегда было там легко и что часто он не был там счастлив, но эта борьба пошла ему на пользу. Преодолеть все эти взлёты и падения было трудно, но это помогло ему развиваться как личности*”.

Пережить первые недели в Экюблане Федереру помогли теннис и размещение в семье. Как бы трудно ни было ему говорить на французском, как бы он ни скучал по семье и друзьям в Базеле, он мог, по крайней мере, самовыражаться на корте. Некоторые из его бывших товарищей по «Олд Бойз» верят, что решимость, выявить которую Роджеру помог Питер Картер, помогла ему пережить эти первые недели. У него также была временная семья, куда он мог приходить вечерами как домой, и эти люди старалась сделать всё, чтобы он чувствовал себя как дома. У Аллегро была квартира-студия, а Федерер жил с Корнелией и Жаном-Франсуа Кристин, у которых было трое детей – Ванесса, Николас и Винсент. К августу 1995 года Ванесса и Николас уехали из дома, и семья Кристин согласилась принять ученика «Теннисных этюдов», отчасти для того, чтобы у четырнадцатилетнего Винсента дома был компаньон его же возраста. Они с Федерером стали близки, как братья, и по сей день остаются хорошими друзьями. “*По вечерам мы обычно дурачились – дрались, играли в баскетбол или настольный теннис, –* рассказал позже Винсент Роджеру Жанину. – *Я помню, что его тренеры бранили его за непунктуальность, и у него не было оправдания. Даже когда у него были экзамены в школе, его нужно было трижды встряхнуть, чтобы заставить встать*”.

Роль родителей Роджера на этом этапе была особенно важна. Они могут служить примером для всех родителей одарённых детей. В своей книге «Das Tennisgenie» («Гений тенниса») авторитетный швейцарский журналист Рене Штауффер пишет, что Линетт убеждена в том, что Роджер смог пережить эти первые пять месяцев только благодаря тому, что сам принял решение отправиться в Экюблан. Родители на него не давили. “*Он принял решение самостоятельно, –* говорит мама, которая в те первые месяцы разговаривала с сыном по вечерам около часа, – *и лишь позже он осознал, что влечёт за собой это решение. Однако, поскольку он сам этого захотел, он захотел и преодолеть это*”.

В конце концов, Роджер успокоился и стал хорошо себя чувствовать в центре. Однако до тех пор, пока его расписание не стало особенно плотным, он каждые выходные возвращался домой, чтобы провести время со своей семьёй и другом Марко Кьюдинелли. “*После того как он уехал в Экюблан, мы очень мало играли в теннис, но всё ещё проводили время вместе, –* говорит Кьюдинелли. – *Мы много играли в компьютерные игры, и дома, и на игровых автоматах в городе. У нас обоих был силен дух соперничества, мы оба хотели победить. Оглядываясь в прошлое, я думаю, что это было чудесное время, и Роджер занимал в нём значительное место*”.

Федерер также по-прежнему состоял в «Олд Бойз», появляясь на межклубных матчах, – до тех пор, пока он в конце 1998 года не стал чемпионом среди юниоров. Плоды его работы в Экюблане стали видны его старым партнёрам. “*Был один случай, –* вспоминает Ники фон Вари, – *ему было четырнадцать, он только-только уехал в Экюблан, вошёл в национальный рейтинг. Потом он вернулся играть с нами, и я стоял против него на тренировке перед межклубными матчами. Он сильно вырос, и мы видели, что он будет хорош. Однако и тогда никто и подумать не мог, что он будет так хорош, как оказалось в итоге*”.

Фон Вари также стал свидетелем буйного поведения Федерера и Кьюдинелли. “*Однажды «Олд Бойз» принимали чемпионат Базеля, –* говорит он, – *и во время этого мероприятия мы с Роджером, Марко, Рето Стаубли [один из самых близких друзей Роджера, который всё ещё ездит с ним на турниры] играли в карты в клубном ресторане. Роджер и Марко так шумели, что директор турнира вмешался и сказал, что игроки на центральном корте не могут сосредоточиться. Есть и другие истории о них двоих, но именно эта наиболее ярко показывает, какими они были: энергичными,*

весёлыми и шумными. Но у них никогда не было злого умысла. Впрочем, с ними надо было быть настороже, потому что они всегда были готовы к шалости или приколу”.

Если оглянуться в прошлое, то станет понятно, что Федерер начал серьёзно работать над своей техникой только тогда, когда поехал в Экюблан. И снова возникает вопрос: понимали ли тогда люди, что среди них находится потенциальный чемпион мира? Скорее всего, нет: по общим стандартам Федерер развивался медленно. *“До четырнадцати лет он был тем, кого вы могли бы назвать талантливым юношей. Он хорошо выступал на юниорских турнирах, некоторые из них выигрывал, но не более того, если смотреть реалистично, – говорит базельский журналист и тренер Томас Вирц. – Например, в четырнадцать лет он проиграл в четвертьфинале юниорского чемпионата Базеля – регионального турнира. Само по себе это не так страшно, но это вряд ли допустимо для того, кто стремится к самой вершине. Он был хорошо играющим юниором – ни больше, ни меньше. В противном случае он бы больше доминировал. Его величайший рывок с точки зрения результатов и достижений произошёл между осенью 1996-го и весной 1997 года, когда ему было пятнадцать”.*

Именно в 1996 году начали появляться первые признаки того, что люди начали интересоваться Роджером. В сентябре того года состоялся его международный дебют: он представлял Швейцарию на Молодёжном кубке мира, групповом турнире, организуемом Международной федерацией тенниса. В тот год турнир проходил в Цюрихе на открытом корте с грунтовым покрытием. Когда Швейцария вышла играть против Австралии, то несколько представителей СМИ пришли на битву лучших: Федерер против Ллейтона Хьюитта, впечатляющего молодого австралийца.

Эта встреча была потрясающей по нескольким причинам. Хьюитт был более известен и в юниорах продвинулся дальше Федерера. Всего четыре месяца спустя он заявит о себе, выиграв турнир АТР в Аделаиде в возрасте всего шестнадцати лет. Несмотря на то, что официально в то время Федерер не работал с Питером Картером, он с ним регулярно общался и знал, что Хьюитта тренировал Даррен Кэхилл, бывший товарищ Питера по команде в Аделаиде. Ожидали, что это будет встреча двух теннисистов, которые многого добьются, и матч полностью оправдал ожидания.

Кэхилл вспоминает *“марафонский матч, великолепный матч”.* Он посоветовал Хьюитту заставлять Роджера использовать бэкхенд на том основании, что он видел, как Федерер тренировался в Базеле двумя годами ранее, но *“Роджер стал несравненно лучше. Я ожидал, что Ллейтон с лёгкостью справится с этим матчем, но за те два года, что я не видел Роджера, его игра стала значительно лучше”.* Это был также горячий матч. *“Роджер терял самообладание, Ллейтон терял самообладание, и уже можно было сказать, что это будет интересное соперничество между двумя теннисистами”*, – говорит Кэхилл. Федерер выиграл со счётом 4–6, 7–6 (3), 6–4, отыграв матч-пойнт. В итоге, благодаря ничьей в решающем парном зачёте, Австралия всё-таки победила.

Следующий год стал важнейшим для швейцарского тенниса. В январе Мартина Хингис впервые за всю историю Швейцарии победила в Большом шлеме в одиночном разряде, выиграв Открытый чемпионат Австралии. К концу марта она стала лучшей в мире и выиграла три из четырёх важнейших титулов в одиночном зачёте того года, добавив к своему успеху в Австралии Уимблдон и Открытый чемпионат США. Она проиграла лишь Открытый чемпионат Франции, уступив в финале Иве Майоли из Хорватии.

1997 год стал также годом, когда «Швейцарский Теннис» открыл новый административный и спортивный центр в Биле. Наконец-то можно было оставить политические распри прежних пяти лет (ну или хотя бы попытаться: в «Швейцарском Теннисе» они никогда не угасают до конца). У маленькой альпийской страны появилась база для подготовки лучших талантов – и юниоров, и профессионалов. С открытием нового комплекса и приобретением Хингис статуса спортивного кумира теннис в Швейцарии становился всё привлекательнее. Вскоре в Биль приехали многоуважаемые лица, в том числе голландский тренер Свен Гренефельд и швед Петер Лундгрэн, который был там назначен национальным тренером.

А ещё в Биль приехал Питер Картер, которого «Швейцарский Теннис» переманил из «Олд Бойз» летом 1997 года, во многом из-за его связи с Федерером. В нём уже разглядели перспективного игрока, которого стоило развивать. Завершение восьмилетнего труда Питера Картера в Базеле отметили большой прощальной вечеринкой, причём собранная для него сумма была четырёхзначной – несомненный знак любви и уважения.

У Федерера дела тоже пошли в гору. После двух лет в Экюблане он смог разместиться намного ближе к дому, овладеть французским и обуздать своих демонов. Теперь у него снова был его тренер, которому он больше всего доверял, а также финансирование от «Швейцарского Тенниса». Но где же ему жить? Он не хотел жить с другой семьёй, но и жить самостоятельно в шестнадцать лет он ещё не был готов.

И тут, как нельзя кстати, появляется Ив Аллегро. Закончив свою учёбу в Экюблане, он решил поселиться в Биле и обзавёлся там квартирой. Когда семья Федереров узнала об этом, то спросила, не мог бы он разрешить Роджеру жить вместе с ним. Аллегро согласился, и они стали соседями на два года. *“Нам было очень весело, – говорит сегодня Аллегро. – Мы стали очень близкими друзьями. Он был близок к тому, чтобы стать профессионалом. Ему порой было непросто, в том числе и потому, что на тренировку надо было вставать в восемь утра. Он очень часто опаздывал. Он любил играть в “плейстейшен” по вечерам, и порой мне приходилось останавливать его и говорить: “Хватит, пора идти спать”. Я был для него как старший брат”.*

Учитывая трудности с французским языком, которые изводили Федерера, когда он впервые приехал в Экюблан, для него, вероятно, были крайне важны дружеские отношения, в которых в роли языка по умолчанию использовался французский. *“Мы всегда говорили по-французски, – рассказал Аллегро, – что довольно-таки странно, потому что к тому моменту я хорошо говорил на швейцарско-немецком. Даже сегодня мы больше говорим на французском, чем на швейцарско-немецком, хотя теперь мы смешиваем три языка: французский, швейцарско-немецкий и английский”.*

Каково это было, жить с Федерером? Мыл ли он посуду, когда была его очередь? *“Было нормально, – говорит его бывший сосед. – Мы не были совсем уж плохи. Если я говорил ему что-либо сделать, то он это делал. Сам бы он, возможно, этого и не сделал, но если я ему говорил, то он всегда выполнял”.*

“Честно говоря, мы так часто уезжали на турниры, что мало были дома вместе, но, как правило, я готовил, а он играл на “плейстейшен”. Он был довольно-таки ленивым, не любил убираться и всё такое, и даже если и прибирался в комнате, то через пару дней там был такой же беспорядок, как и до уборки. Однако он всегда был таким человеком, который, решив что-то сделать, делал это хорошо. А уборка не была для него настолько важна”.

Аллегро заметил то же, что замечали все, кто наблюдал за юным Роджером, – он намного лучше играл на матчах, чем на тренировках. Большинство игроков любого уровня чудесно играют на тренировках, но когда они участвуют в официальном матче, то их уровень немного падает из-за давления и формальности ситуации. С Федерером всё было наоборот. Многие из его друзей по «Олд Бойз» могут заявить, что побеждали его на тренировках, но когда всё становилось официальным, уровень Федерера возрастал. *“Он часто опаздывал на тренировки, – вспоминает Аллегро их годы в Биле, – но тогда он больше любил играть в матчах, и тренировки зачастую ему наскучивали”.*

Аллегро сделал умеренно успешную карьеру игрока в парном разряде в турнирах АТР. У него было несколько полупостоянных партнёров, какое-то время он довольствовался тем, что иногда появлялся в роли партнёра Федерера на Кубке Дэвиса, паре турниров и Олимпийских играх 2004 года. Не кажется ли ему странным, что из бывшего “старшего брата” он превратился на корте в младшего партнёра одного из величайших игроков мирового спорта? “Нет, это не странно. На самом деле, я думаю, что это хорошая история. Я совсем не завидую. Я очень радуюсь успехам Роджера. Я занимаюсь своим делом, а он – своим. Было здорово выиграть два титула вместе с ним, здорово играть с ним в Кубке Дэвиса, просто потому, что это хорошая история”. Приход Станисласа Варвинки к известности в качестве игрока в одиночном и парном разряде положило конец партнёрству Аллегро и Федерера.

В 1997 году Федерер бросил учёбу. *“Я сказал родителям: “Я не в настроении больше ходить в школу, я хочу сосредоточиться на теннисе”, – сказал он в интервью 2004 года. – Они поняли, но сказали, что если в течение следующих нескольких лет я не добьюсь каких-либо результатов, то должен буду вернуться в школу. Было весьма рискованно бросать школу в шестнадцать лет, потому что у меня тогда не было рейтинга АТР.*

Может, я был восьмидесятым или около того, а в юниорах я был, скажем, шестидесятым. Однако я каким-то образом почувствовал, что школа мешают сосредоточиться на теннисе на все сто процентов. Поэтому когда я бросил школу, дела в теннисе пошли намного лучше”.

В 1997 году Робби Федерер отказался от хорошей работы в Австралии, потому что они с Линетт понимали, что это может помешать Роджеру стать лучшим теннисистом. Позже он рассказал швейцарскому журналисту Рене Штауфферу: *“Все говорили нам, как талантлив был Роджер, но мы хотели видеть результаты”.* И Штауффер цитирует Линетт, которая добавила: *“Мы дали Роджеру понять, что не можем финансово его поддерживать в течение десяти лет только для того, чтобы он был где-то четырёхсотым в мире”.* Она даже стала больше работать, чтобы обеспечить финансовую стабильность семьи, – безусловно, разумный шаг в то время. Сейчас он кажется абсурдно излишним.

К тому моменту, когда он бросил школу, он отметил свой первый успех на турнире. В январе 1997 года он стал чемпионом Швейцарии среди юниоров младше восемнадцати. Ему было всего пятнадцать лет. Затем, в мае 1997 года, он выиграл международный юниорский титул в Прато, в Италии, выиграв в шести матчах подряд у одного из лучших в то время юниоров. Правда, в том году он получил лишь этот единственный титул, и он всё ещё не играл в юниорах на турнире Большого шлема.

Каким игроком был Федерер в шестнадцать лет? Сам он считает, что грациозный стиль у него от природы, но что он не проявлялся до конца подросткового возраста. Однако под руководством Алексиса Бернарда, Кристофа Фрейсса и Питера Картера он неуклонно повышал эффективность ровных ударов, которым научил его в «Олд Бойз» Сеппли Качовски. Томас Вирц вспоминает то время: *“Я мало беспокоился о его стиле игры. Он всегда рисковал, его подачи были очень плоскими, чуть выше сетки, и тогда я был уверен, что он никогда не выиграет Открытый чемпионат Франции. Он освоил крученые удары, которые позволили ему лучше играть на грунтовом покрытии, но его стиль всё ещё не очень хорошо подходил для медленных кортов. В то же время у него всегда был экономичный стиль, так что ему не нужно было столько мускулатуры, сколько необходимо некоторым игрокам. Он в этом отношении немного похож на Михаэля Штиха – очень рациональный”.*

И всё же изменчивый темперамент продолжал его преследовать. ***“Вы себе и представить не можете, как я швырял свою ракетку, – говорит он в интервью, процитированном на сайте tennis-x.com. – Они порхали повсюду вертолётчиками. Я серьёзно. Меня выгоняли с тренировок, когда мне было шестнадцать. Я слишком много говорил и кричал на корте”.***

Его родители рассказывают историю о том, как они ехали домой с турнира через альпийский перевал. Федерер был очень зол на то, как сыграл, и становился очень раздражительным в машине. Его отец пытался его игнорировать, это не сработало. Тогда он остановил машину, вытащил Роджера и засунул его головой в сугроб, как бы остужая. *“Мы никогда не ругали Роджера из-за того, что он проиграл, – сказала его мама в интервью с Фредди Видмером из Basler Zeitung, – но когда он плохо себя вёл или просто не старался, мы не спускали это с рук”.*

Линетт уверена в том, что её сын избавился от своих дурных привычек благодаря их с отцом отношению к Роджеру. *“Нашему сыну всегда дозволялось быть немного диким, но он должен был брать на себя ответственность за последствия. Если он попал в затруднительное положение, то сам должен был из него выпутываться”.*

Той же философии придерживались в центре «Швейцарского Тенниса» в Биле, где его нрав навёл на него страшную кару. Новый «Дом Тенниса», как называли центр, получил новейшее оснащение, в частности дорогое шумоизоляционное покрытие. Всех игроков предупредили, что оно стоит кучу денег и что если кто-нибудь как-нибудь его повредит, то будет неделю чистить туалеты. Федерер позже признал, что был уверен, что такое толстое покрытие невозможно повредить. Увы, он ошибался. Пропустив удар, он традиционно швырнул ракетку, она попала в покрытие и проделала в нём изрядную дыру. *“Ему всю неделю пришлось приходить в семь утра и чистить туалеты, – говорит Аллегро. – Для него это было худшим наказанием из всех возможных. Была середина зимы, было очень холодно. А ведь он даже в восемь-то вставал с трудом. Так что ранний подъём, чтобы быть на кортах в семь, был для него настоящим кошмаром”.*

Само собой, Ив Аллегро помнит приступы гнева у Роджера. *“Он очень легко выходил из себя и начинал швыряться ракетками, – вспоминает он. – Не постоянно, но часто. Думаю, на тренировках он вёл себя ещё хуже, чем на матчах. На матчах его поглощал дух соперничества”*. В то же время Аллегро признаёт, что именно на конец 1997 года выпадает период наибольшего прогресса Федерера. И вот, на заре нового года, он собирается штурмом покорить юниорский мир.

Есть разные мнения относительно того, как следует рассматривать официальный мировой чемпионат среди юниоров. Для некоторых достижения на нём – шаг к величию, для других – вступительная глава к рассказу о несбывшихся надеждах. С тех пор как были коронованы первые чемпионы мира среди юниоров в 1978 году, некоторые взлетели на вершины рейтингов – такие, как Иван Лендл, Стефан Эдберг, Энди Роддик, Мартина Хингис и Амели Моресмо. Другие же, наподобие Брайана Данна, Федерико Брауна, Зденки Малковой и Нино Луарсабишвили, исчезли практически бесследно. Они могли быть лучшими в мире среди теннисистов младше восемнадцати лет, но если они родились в год, когда было мало выдающихся игроков или много тех, кто развивался несколько медленнее, то цена этого титула была невелика. То же самое касается и чемпионов Большого шлема: турниры дают молодым игрокам возможность познакомиться с великими игроками в раздевалках и поиграть на только что освобождённых ими кортах, но юниорский титул Большого шлема не является обязательным признаком того, что они станут чемпионами в будущем.

В 1998 году Федерер участвовал во всех главных юниорских турнирах, включая четыре Больших шлема и серию турниров с колоритными названиями вроде «Кофейная чаша», «Банановая чаша» и, в заключение года, «Апельсиновая чаша». Он победил на юниорском чемпионате Виктории в Австралии за неделю до Открытого чемпионата Австралии, а затем дошёл до полуфинала в том теннисном центре «Флиндерс Парк» (теперь «Мельбурн Парк»).

Участие в Большом шлеме приучило его к регулярному присутствию СМИ, которые будут сопровождать его всю его карьеру. Марко Мордасини – швейцарский радиожурналист, который большую часть своего состояния заработал на Открытом чемпионате Австралии 1998 года, ведя репортажи о Мартине Хингис и Патти Шнидер, – как и большинство репортёров, пристально следит за талантами – соотечественниками на юниорских турнирах. Несколько раз во время турнира он разговаривал с Федерером, в особенности после того, как швейцарец проиграл в очень равном матче в полуфинале шведу Андреасу Винчигуэрра со счётом 4–6, 7–5, 7–5.

“Я попросил о беседе с ним, – вспоминает Мордасини, – и через некоторое время после окончания матча он пришёл в радиорубку с Митци Инграм Иванс, менеджером по связям с игроками-юниорами. В то время то ли Хингис, то ли Шнидер победила, и я должен был выйти в эфир, чтобы объявить результат. Я спросил Роджера, не мог бы он подождать пару минут, – я объяснил почему. Он согласился. Я усадил его рядом с собой и, пока ждал выхода в эфир, услышал, что он шмыгал носом. Я оглянулся и увидел, что он сидит и плачет навзрыд. Он плакал минут десять из-за того, что проиграл в этом матче. Я спросил его, что случилось. На мой взгляд, он играл великолепно, просто другой парень оказался на самую малость лучше. Роджер объяснил, что расстроился не потому, что проиграл, а потому, что знал, что у него был шанс победить, а он его не использовал. Он видел, что он мог сделать иначе, и это больно его задевало. Это был очень сильный момент”.

Мордасини говорит, что на личном уровне с Федерером было легко иметь дело, хотя он любил, чтобы его уговаривали. *“Он казался застенчивым, – сказал журналист, – порой весьма застенчивым, но всегда у него были очень хорошие манеры. Он, в отличие от большинства подростков, всегда обращался ко мне на “вы”. Он был очень спокойным, не тараторил. Нужно было его немного подбодрить, чтобы он открылся. Будто там было два человека: один на теннисном корте, где он знал, что делал, а другой – со СМИ, где он был несколько сдержанным. Я объяснял ему правила своей игры – что я вырежу все его слова, которые выйдут не очень удачно, – и думаю, что это побудило его начать доверять прессе – по крайней мере, мне. Спустя годы он по-настоящему открылся. Дело не в том, что он научился делать пиар-ходы”*.

Третий юниорский титул и второй титул года были завоёваны весной во Флоренции. Это помогло поднять его статус в Швейцарии. Одним из многих людей, заметивших его игру, был Жак (Кебе) Херменьят, директор турниров в Гштааде, чей Открытый чемпионат Швейцарии на корте с

грунтовым покрытием проходил через неделю после Уимблдона. Херменьят сделал вывод, что если этот юный швейцарский мальчик – которому всё ещё было шестнадцать – смог завоевать юниорский титул на грунтовом покрытии, то он достоин допуска к соревнованиям по решению организатора. (Среди участников профессионального турнира по теннису представлены преимущественно кандидаты с высочайшим рейтингом, а также множество игроков, прошедших отборочные туры и приглашённых организаторами.) Перед турниром проводится соревнование, которое призвано выявить тех, кто победит посредством отборочных туров. У директора же имеется несколько приглашений – уайлд-кард, которые он может дать игрокам, не прошедшим отбор по рейтингу, но способных повысить привлекательность турнира – таких, как местные теннисисты или звезды после травмы. У квалификационных турниров тоже есть уайлд-кард.

Херменьят предложил Федереру свою уайлд-кард, и тот ухватился за эту возможность. Его путь на турнир АТР, наконец, отчётливо проявился, и это важное событие помогло ему решить, что 1998 год будет последним его годом в юниорских кругах (даже хотя он всё ещё сможет участвовать в юниорских турнирах в 1999 году). Тем не менее, до начала турнира в Гштааде ему надо было достичь ещё одной цели.

Несмотря на то, что он провалился на «Ролан Гаррос», проиграв со счётом 6–4, 5–7, 9–7 чеху Ярославу Левинскому, он очутился на корте в Лондоне. Сперва он добрался до полуфиналов в Рокемпортоне, проиграв Тейлору Денту в трёх сетах, а затем участвовал в Уимблдонском турнире, где в напряжённой борьбе победил в юниорском турнире, одолев грузина Иракли Лабадзе со счётом 6–4, 6–4 в финале. Потом он вместе с бельгийцем Оливье Рохусом победил в парном разряде, выиграв у Микаэля Льодра и Энди Рама также со счётом 6–4, 6–4 в финале. После всех этих шуток на тренировках в «Олд Бойз» о том, что *“с этим ударом я собираюсь выиграть Уимблдон”*, Федерер в самом деле стал чемпионом Уимблдона, пусть и среди юниоров. Пока.

Здесь уместно вставить мои личные воспоминания. Именно в тот день, когда он победил на Уимблдонском турнире, я встретил его впервые. В 90-х я беседовал со многими юниорами. Некоторые из них были дерзкими, некоторые – застенчивыми, некоторые были чрезвычайно амбициозными, а некоторые сдержанно рассказывали о том, сколь многого они могут добиться. В Федерере меня поразила выдающаяся смесь обаяния и амбиций. Он мгновенно находил контакт с людьми, он заставил меня поверить в то, как ему приятно было со мной общаться (и я знаю, что не один я это почувствовал), и он был самоуверен – но это ни в коей мере не было оскорбительно. Юниоров, ставших чемпионами Большого шлема, всегда окружает интерес со стороны прессы – во многом это задел на будущее, на тот случай, если они окажутся в самом деле хороши. Им всегда задают стандартный вопрос: как вы считаете, победите ли вы во взрослом турнире? Я сожалею, что поддался этому клише. В ответ Федерер нахально улыбнулся и сказал: *“Почему нет?”*

Мне бы хотелось сказать, что уже тогда я понял, что он обречён на величие, но, увы, не могу. Я беседовал со слишком многими юниорами, которые считали, что войдут в десятку лучших, если не больше. Что я могу утверждать, так это то, что он как человек произвёл на меня большее впечатление, чем другие.

Два уимблдонских титула принесли Федереру приглашение на официальный ужин чемпионов в лондонском отеле «Савой», где его чествовали наравне со взрослыми чемпионами того года – Питом Самprasом и Яной Новотна. Он отказался, потому что Питер Картер убедил его, что важнее дебют в АТР в Гштааде, чем светское мероприятие в Лондоне.

Дебют Федерера в АТР стал третьим подряд матчем, окончившимся со счётом 6–4, 6–4, но на этот раз он проиграл. В сырой хмурый день он должен был встретиться с немцем Томми Хаасом, но Хааса вывело из строя расстройство желудка, а его место занял Лукас Арнольд, аргентинский специалист по игре на грунтовом покрытии. У Арнольда как минимум два повода для гордости. Во-первых, исключительно отважная и до сих пор успешная борьба с раком яичка (вернувшись к соревнованиям, он добавил к своему имени имя мамы – Кер, в знак признательности за её роль в процессе излечения). Во-вторых, он может заявить, что победил Роджера Федерера в его первом матче на уровне АТР, оказавшись слишком твёрдым

орешком для дебютанта. И всё же Федерер не расстроился из-за поражения, а был им взволнован. Его вдохновляло осознание того, что он создал достаточно шансов и обладал необходимыми средствами для того, чтобы выиграть матч. Его уверенность в себе росла.

К этому времени он, как и многие другие юниоры, начинающие переход на арену взрослого тенниса, играл и в юниорах, и на низких уровнях основного турнира. Он получил уайлд-кард на турнир в Женеве в конце августа, где, опять же, проиграл в первом раунде – на этот раз болгарину Орлину Станойчеву со счётом 6–4, 7–6.

В первую неделю сентября начинался Открытый чемпионат США, в котором у него был шанс попасть на вершину юниорских рейтингов. Он уехал в Нью-Йорк четвертым в рейтинге и дошёл до финала благодаря тому, что склонил на свою сторону партнёра в парном разряде Оливье Рохуса и сильного Дейна Кристиана Плесса, который победил трёх игроков на пути к полуфиналам: Айсама Куреши, Тейлора Дента и Фернандо Гонсалеса – все эти игроки в будущем достигли разной степени успехов в профессиональном теннисе. Если бы он победил Давида Налбандяна в финале, то стал бы первым, но шестнадцатилетний Налбандян – который был на год младше, что в том возрасте имеет большое значение, – понял, как играть со швейцарцем, и победил его со счётом 6–3, 7–5.

Федерер чувствовал, что на протяжении всего турнира был слишком плох. После финала он сказал: *“Я играл не лучшим образом, я упустил много шансов”*. Продемонстрировав своё мастерство в использовании полезных и бессмысленных фраз, он дал решительный ответ на вопрос о том, что ему следует улучшить в игре: *“Я мог бы улучшить всё”*.

Поражение, нанесённое Налбандяном, было одним из проигрышей, которые, по словам Федерера, многому его научили. ***“Я всегда больше учился на поражениях, чем на победах. Именно поражение в финале Открытого чемпионата США заставило меня проснуться. Я думал: “Я должен усерднее работать”, но только через несколько месяцев после Открытого чемпионата США на самом деле решил взяться за работу, и это принесло результаты”***.

Следующие результаты последовали всего через пару недель после поездки в Нью-Йорк. Роджеру предложили уайлд-кард на квалификационный турнир на соревнование АТР в Тулузе, и он прошёл три матча, чтобы дойти до главного. Победа в первом раунде со счётом 6–2, 6–2 над ветераном, французом Гийомом Рау, означала, что Федерер открыл счёт во взрослом турнире. Вторая подряд победа над австралийцем Ричардом Фромбергом привела его в четвертьфиналы, где его победил Ян Симеринк, ставший в итоге чемпионом. Федерер официально заявил, что ему нечего бояться во взрослом турнире.

Три дня спустя Федерер участвовал в третьем турнире АТР – в том, который для него на самом деле что-то значил. Это был чемпионат Швейцарии на крытых кортах, проводившийся на арене Санкт-Якоб Холл, в Базеле. Состав участников в этом мероприятии, как правило, был представительным, и 1998 год исключением не стал. В нем значились четыре чемпиона Большого шлема: Пит Сампрас, Андре Агасси, Патрик Рафтер и Евгений Кафельников. Турнирная сетка свела в первом раунде Федерера с Агасси, и бывший подавальщик мячей должен был впервые встретиться с одним из величайших имён в мире спорта. Под пристальными взглядами почти восьми тысяч зрителей в первый же день мероприятия он проиграл со счётом 6–3, 6–2. Однако он знал, чего достиг. *“Дорога длинна, – сказал он после матча, – но я многому научился за последние несколько месяцев”*. Впрочем, как он обнаружил на следующей неделе, ему ещё многое предстояло постичь.

Сыграв перед переполненными трибунами на одной из самых престижных арен тура, Федерер поехал в Кюблис, живописный курорт неподалёку от Клостерс на востоке Швейцарии, где проходил первый турнир в швейцарской отборочной серии. Население Кюблиса составляло около пятисот человек. Очень немногие из этих пяти сотен приходили посмотреть на специалистов и профессиональных теннисистов, пусть и подающих надежды, но просто делающих своё привычное дело в местном крытом теннисном центре, чьи четыре корта с ковровым покрытием на эту неделю становились недоступны. Такова реальность профессионального теннисного турнира, считающегося весьма гламурным.

После торжества в Базеле Федерер искал мотивацию в Кюблисе. В первом раунде он вышел против швейцарца с низким рейтингом, Армандо Брунольда, и, вместо того чтобы использовать уверенность матча с Агасси и пяти побед в Тулузе и с лёгкостью победить, он проиграл первый сет с тайбрейком. В начале второго сета у него сдали нервы, он начал просто отбивать мячи, ругаясь на всех и вся и по большей части промахиваясь. Он также совершил несколько апатичных двойных ошибок. На это обратил внимание арбитр турнира, Клаудио Гретер, который вышел понаблюдать за несколькими последними играми, принёсшими Брунольду победу со счётом 7–6, 6–2. Гретер сделал вывод, что Федерер не прилагает “максимум усилий”, как предписывает кодекс поведения теннисиста, и оштрафовал восходящую швейцарскую звезду на сто долларов. Что, кстати, на тринадцать долларов превышает размер приза, полагающегося проигравшим в первом раунде и составляющего восемьдесят семь долларов.

На следующий день швейцарская ежедневная многотиражка «Blick» повеселилась от души. Её большие и красочные заголовки с наслаждением описывали позор мальчика, которого всего лишь на прошлой неделе представляли как будущее швейцарского тенниса. *“Было трудно, – говорит Ив Аллегро, игравший в парном разряде и деливший с Федерером жильё на четырёхнедельном турнире. – Дело было не в том, что он не старался, просто после Базеля он несколько потерял мотивацию. На следующий день его имя трепали газеты, и ему из-за этого было очень плохо”*.

И всё же невозможно долго притеснять хорошего человека. Федерер стойко принял заслуженное наказание. Вскоре они с Аллегро выиграли в парном разряде в Кюблисе, затем Федерер победил в следующем одиночном турнире и дошёл в финале следующего, став первым и опередив Аллегро (ставшего вторым) – в турнирной таблице после четырёх недель.

Всё это время Федерер постоянно помнил о своём незаконченном деле в юниорах: завершить год чемпионом мира. Однако у него оставалось лишь три турнира, в двух из которых можно было набрать очки для одиночной классификации. Началось всё плохо: он проиграл в третьем раунде чемпионата Эдди Герра. Однако потом он выиграл два матча на групповом турнире Кубка Саншайн (в первом он играл против Хуана Карлоса Ферреро, ещё одного юниора, опередившего Федерера на пути к вершине), а затем отправился на «Апельсиновую чашу» в Майами, на самый престижный юниорский турнир, помимо четырёх турниров Большого шлема.

В этом путешествии Федерер сделал то, что шокировало его родителей и многих других знавших его людей: он перекрасился в блондина. Сегодня он рассказывает об этом решении: “На самом деле я много раз хотел сменить цвет волос и просто однажды покрасился в светлый. Как-то раз я собрался покраситься в рыжий, но мои родители этого не одобрили. Ещё я хотел отрастить длинные волосы. Думаю, это было бунтарство”.

Победа в «Апельсиновой чаше» не только помогла Федереру стать чемпионом мира среди юниоров в 1998 году, но дала также значительную психологическую поддержку, помогла ему осознать, что он способен победить, даже если все против него. После своего первого матча он повредил стопу, дурачась в спортзале, и очень боялся, что ему придётся отказаться от участия в турнирах. Тщательно следуя медицинским предписаниям, к встрече в полуфинале с Налбандяном он уже свободно передвигался. Он отомстил за своё поражение в Открытом чемпионате США, затем победил соседа Налбандяна Гильермо Кория со счётом 7–5, 6–3, в финале одной из наиболее убедительных побед за его развивающуюся карьеру. Фотография чемпиона, поднимающего над блондинистой головой чашу с апельсинами, великолепна. Или ужасна – в зависимости от того, какой цвет волос вы предпочитаете.

Однако важнее то, что Федерер обеспечил себе первое место в рейтинге на конец года и звание чемпиона мира среди юниоров. Он мог рассчитывать на ещё один официальный ужин – ужин чемпионов мира Международной федерации тенниса, проходивший во вторую неделю Открытого чемпионата Франции следующего года. А вот на переход в высшие эшелоны турнира АТР – нет. Старт был впечатляющий, но юниорская карьера подходит к концу. Всё острее встают вопросы: пополнит ли он ряды, в которых уже стоят Лендл, Эдберг и Хингис, станет ли из чемпиона среди юниоров лучшим в мире? Или же вслед за Данном, Брауном и многими другими останется лишь талантливым и подающим надежды юниором, которому не удалось стать взрослым чемпионом?

На поиск ответов ушло ещё четыре с половиной года.

Часть 2. Переход в тур АТР

ГЛАВА 4

Понять, что именно делает человека успешным, одновременно и легко, и сложно. С одной стороны, всё, что он делает, вносит вклад в его успех. С другой стороны, всегда сложно точно сказать, что же отличает лучшего от остальных. И всё же нельзя оставить без внимания те маленькие изменения, которые Федерер внёс, покинув юниорские круги, чтобы присоединиться к рядам “больших мальчиков”. В свои последние юниорские дни он воспользовался помощью спортивного психолога, Криса Марколли, бывшего профессионального футболиста. Несколько робко вспоминая о той помощи, которую он искал и которую получил, он рассказал в одном из интервью: *“Я был слишком расстроен, мне нужна была помощь. Я не знал, что думать о многих вещах, как избавиться от злости. Вот почему я работал с психологом. Думаю, окружающие всегда говорили мне правильные вещи – как себя вести, как усердно работать, что делать, чего не делать. Однако в итоге ты сам должен реагировать и прилагать усилия. Слава богу, я осознал это – возможно, немного поздно, но не так поздно для того, чтобы изменить то, что надо. Так что после работы с психологом я много работал над этим и самостоятельно”*.

Ив Аллегро, живший вместе с Федерером в то время, когда он встречался с Марколли, вспоминает: *“Он не занимался этим в «Швейцарском Теннисе». Но вне этой системы он нашёл правильного человека и работал с ним в течение нескольких месяцев. Думаю, это пошло на пользу его игре, пусть немного, но точно помогло”*.

Ещё изменился один крошечный, но очень важный момент. Пока Федерер играл в юниорах, у него была привычка делать перед каждой своей подачей одну приметную небольшую комбинацию движений. Швейцарский радиожурналист Марко Мордасини вспоминает, что эта привычка исчезла внезапно. *“Он поднимал мяч, – говорит Мордасини, – брал его левой рукой, кидал его из-за спины, слева направо, затем ракеткой отправлял его между ног, прежде чем поймать его за спиной, и всё это проделывалось с потрясающей скоростью и точностью. Это стало одной из его отличительных черт, и примерно в то время он прекратил это делать. Когда я спросил его почему, он просто сказал: “Это было в юниорах. Сейчас – это сейчас”. Он делал это перед каждой подачей, порой даже пока шёл на линию, и с невероятной точностью. Но, очевидно, отказ от этой привычки был частью смены его отношения к игре, начавшейся, вероятно, с Питера Картера и продолжившейся с Питером Лундгреном”*.

Роджер становился дисциплинированнее, и вместе с этим ему по-прежнему надо было давать выход своему подростковому веселью. Это проявлялось в метаморфозах его причёски. Покрасившись в блондина для поездки на «Апельсиновый Кубок», он дал волосам отрасти до такой длины, чтобы можно было завязать их в хвост. В сочетании с банданой это сформировало тот фирменный образ, которого Федерер придерживался вплоть до второй половины 2004 года. Раньше его спрашивали, почему он отрастил волосы, и он, как правило, отвечал просто: *“Мне так нравится. Зачем их отрезать?”*

Большинство теннисистов в свой первый профессиональный год играют в нескольких турнирах невысокого уровня, по сути, на третьем уровне турниров ниже полноценных АТР (или WTA для женщин) и в “челленджерах”. Однако Федерер участвовал лишь в одном “челленджере” в Хайльбронне, прежде чем попал прямо на самый низкий уровень АТР тура. Там, благодаря уайлд-кард, он попал в основную сетку в Марселе, на одном из четырёх турниров в коротких европейских соревнованиях на крытых кортах в феврале и раннем марте. Там в первом раунде он выиграл у Карлоса Мойи, который всего через шесть недель стал лучшим в мире. Потом, пройдя квалификацию и попав в основную сетку в Роттердаме, он достиг своего второго подряд четвертьфинала.

В туре он создал себе такую репутацию, что ему дали ещё один уайлд-кард, на этот раз в клуб «Эрриксон Оупен» на Ки-Бискейн, его первый турнир в серии “Мастерс” [1] (известный тогда как “Супер девять”). Несмотря на поражение в первом раунде, он уже подбирался к лучшей сотне теннисистов спустя всего четыре месяца после начала его первого года в туре АТР.

В апреле 1999 года Федерер дебютировал в Кубке Дэвиса. Очевидно, что семнадцатилетний теннисист, сыгравший вничью в своём первом Кубке Дэвиса, должен привлечь внимание и считаться многообещающим, за чьим будущим стоило бы следить. Это всё не про дебют Федерера. Швейцарцы сыграли вничью в первом раунде у себя в Невшателе с финалистом прошлого года, Италией. Нынешний президент Международной федерации тенниса Франческо Риччи-Битти – тогда президент итальянской Ассоциации тенниса – вспоминает: *“Я увидел состав и подумал: “О Боже, у нас проблемы”. Его результаты меня не удивили, потому что у него был потрясающий талант, но с 1999 по 2003 год ему не хватало концентрации. Ему было так легко играть, что он не считал нужным работать над концентрацией. Он был очень нестабилен, за исключением Кубка Дэвиса: он прекрасно играл, потому что ответственность за страну давала ему больше причин сосредоточиться”*.

К апрелю 1999 года у Италии были проблемы не только потому, что им приходилось иметь дело с юным Федерером. Нация, выигравшая Кубок Дэвиса в 1976 году, на пике карьеры харизматичного Адриано Панатта, никогда не покидала мировую группу соревнования, в которую входило шестнадцать стран, но к концу 90-х они столкнулись с серьёзным упадком. Казалось, они исчерпали всю свою удачу на то, чтобы попасть в финал в 1998 году, который они дома проиграли Швеции. К следующему апрелю они потеряли две из своих главных опор, Андреа Гауденци и Диего Наргизо. Несмотря ни на что, они чувствовали как лучшего игрока опытного Давиде Сангинетти, с которым Федереру предстояло встретиться после того, как Марк Россе выиграл открывающий матч с Джанлукой Поцци.

В первом матче из пяти сетов Федерер справился с седеющим итальянцем со счётом 6–4, 6–7, 6–3, 6–4, продемонстрировав зрелость, поддерживающую то, чего боялся Риччи-Битти. *“Я сначала нервничал, – признавал позже Федерер. – Это совсем по-другому, когда играешь не за рейтинг, а за свою страну”*.

Россе и Лоренцо Манта одолели в парном разряде итальянцев Пескосолидо и Лоуренса Тилемана, расчистив через два дня путь Швейцарии. В результате Федерер внезапно обнаружил, что является частью команды, которая могла бы многого достичь.

С ветераном Россе, с ещё более уверенным специалистом в парном разряде Мантой, который в июне 1999 года дошёл до четвёртого раунда в одиночном разряде Уимблдона, с проявляющимися талантами Федерера и Джорджа Бастла у Швейцарии были все шансы, чтобы создать успешную команду. Неожиданно стало очевидным, что выездной четвертьфинал против Бельгии, который должен был состояться после Уимблдона, можно выиграть и что он может стать путёвкой на домашний полуфинал против Франции.

Пока Россе оправлялся от вирусной инфекции, Федерер стал лучшим игроком Швейцарии перед четвертьфиналом в клубе «Примроуз» в Брюсселе, а Манта играл во втором одиночном разряде. У самих бельгийцев была восходящая звезда – Ксавье Малисс, разгромивший Манту на открывающем матче. На втором Федереру выпало встретиться с Кристофом ван Гарси, но ван Гарси был одним из тех игроков с низким рейтингом, которые обретают суперсилу, играя за свою страну. Левша, да к тому же с несколько нестандартным стилем, он и до этого показывал множество результатов куда более высоких, чем его рейтинг результатов в Кубке Дэвиса. К своим победам он добавил ещё одну победу: 16 июля 1999 года, в пяти сетах над семнадцатилетним Федерером. В четвёртом сете Федерер лидировал в двух сетах против одного, но у ван Гарси случились такие сильные судороги, что ему потребовалась помощь. Однако потом судороги случились уже у Федерера, когда Бельгия побеждала со счётом 2–0.

Зная, что бельгийцы, как правило, хронически неспособны выигрывать парные матчи, швейцарцы понимали, что у них всё ещё есть шанс. Они использовали парный разряд и уменьшили отставание до 1–2. Однако в то воскресенье самые большие надежды возлагались на матч между Федерером и Малиссом. Как писал американский журналист Кристофер Клэри: *“Безусловно, в нынешнюю эру уравнительной политики и многочисленных травм рискованно предсказывать будущее мужского тенниса. И всё же очень хочется рассматривать этот матч как первый среди многих между этими двумя в главных мероприятиях игры”*. Как оказалось, это мнение, которое разделяли многие в то время, было несколько ошибочным. Федерер достиг значительных результатов, а Малисс не смог извлечь выгоду из своего бесспорного таланта: возрастающему числу титулов победителя Большого

шлема Федерера он смог противопоставить лишь победу в полуфинале Уимблдонского турнира. Однако в то летнее воскресенье на грунтовом корте Брюсселя Малисс имел преимущество и выиграл со счётом 4–6, 6–3, 7–5, 7–5, положив конец участию швейцарцев на Кубке Дэвиса в XX веке.

Швейцарская команда сыграла достойно, но от поражения не могло не остаться горечи. Швейцарский теннис всегда был взрывоопасной смесью из лингвистических и политических групп, он вполне способен спровоцировать самые дикие внутренние распри. Результаты Бельгии ознаменовали начало нового периода борьбы, требовавшей жесточайших усилий в течение добрых двух лет. Впоследствии на разборах полётов многие специалисты отмечали, что вирусная инфекция Россе стоила Швейцарии домашнего полуфинала против Франции. Многие считают, что сама по себе инфекция не была такой уж изнурительной. В то же время преданность Россе национальной идее наводит на мысль о том, что он отказался бы играть только в том случае, если бы действительно был физически неспособен выйти на корт. Предположения о том, что он притворялся, а не был болен, свидетельствуют скорее о распрях в швейцарском лагере, чем о хитроумии Россе. Капитан Клаудио Медзадри тоже получил свою долю критики. Он стал капитаном перед матчем с Италией тремя месяцами ранее после того, как его предшественника, Стефана Оберера, заставили уйти из-за того, что Россе уволил его с поста личного тренера. В ноябре 1999 года уволили самого Медзадри – исключительно ради того, чтобы его заменил бывший соратник по Кубку Дэвиса Якоб Хласек – человек, который едва ли мог привнести гармонию. Известно, что Хласек говорил о том, что не видит возможности примирения с Россе. Другими словами, швейцарская национальная теннисная ассоциация выбрала капитана, чьи отношения с лучшим игроком страны были, мягко говоря, непростыми.

Однако самым скверным было то, что ассоциация не учитывала мнение игроков. В видах спорта, в которых заняты большие команды – футбол, регби и т. д., – национальные руководящие органы сочли бы непрактичным и, возможно, несправедливым формальные консультации с ведущими игроками по поводу того, какого тренера предпочтительнее выбрать. Однако в теннисе, где есть всего два игрока (или один выдающийся игрок и его партнёр в парном разряде), такие консультации могут помочь команде многого достичь, а решение не обсуждать с ведущими игроками выбор капитана – смерти подобно. По сути, в большинстве команд капитан занимает своё место по воле игроков.

Объявление «Швейцарского Тенниса» спровоцировало демонстрацию солидарности среди игроков и создало угрозу того, что игроки проигнорируют первый матч Швейцарии в Кубке Дэвиса 2000 года, где им предстояло выступить против недавно коронованных чемпионов – австралийцев.

Изначально этот матч должен был состояться в феврале 2000 года в женевской «Палекспо Арене», способной вместить более десяти тысяч зрителей. Опасаясь, что ни один из заслуживающих внимания игроков не станет выступать за Швейцарию, матч перенесли в «Заалспорхалле», в Цюрих, который мог разместить максимум четыре тысячи зрителей.

Когда это произошло, то стало вдруг понятно, что матч против австралийцев станет потрясающим зрелищем. Федерер обнаружил, что его заставляют играть, несмотря на его солидарность с теми, кто угрожал забастовкой (у него был контракт со «Швейцарским Теннисом», от них он получал финансовую помощь). Как и ожидалось, Хласек решил не выбирать Россе. Это расстроило Федерера, который ясно дал понять, что недоволен тем, что Хласек стал капитаном. Хласеку удалось убедить играть Манту и Бастла, но Манта дал понять, что играет против воли. В общем, несчастливая команда.

И всё же в день открытия матча Федерер в четырёх сетах победил Марка Филиппуссиса, что свело на нет победу Ллейтона Хьюитта над Джорджем Бастлом. Когда же они с Мантой победили Уэйна Артурса и Сандона Стола в парном разряде, то соперничающая нация была готова с позором изгнать чемпионов всего два месяца спустя после триумфа австралийцев в финале 1999 года в Ницце. Однако Хьюитт – без сомнений, не забывший горечь поражения, нанесённого Федерером в том же самом городе четырьмя годами ранее, – был решительно настроен одержать победу над бывшим противником в четырёх сетах в первом одиночном матче. Бастл же не смог справиться с Филиппуссисом: австралиец выиграл в пятом сете со счётом 6–4.

То, что швейцарцы так приблизились к победе в таких нестабильных условиях, возродило в них надежду. Однако для Хласека как капитана, который и так уже подвергался критике, это был серьёзный удар. Это подготовило почву для дальнейших проблем, возникших четырнадцать месяцев спустя.

Что до тура, то взлёт Федерера в начале 1999 года сменился небольшим застоём на несколько месяцев. Шесть последовательных турниров закончились поражениями в первых раундах, в том числе главный дебют на «Ролан Гаррос» и Уимблдоне. На французском чемпионате он проиграл Патрику Рафтеру, а на Уимблдоне – Байрону Блэку. Лучших результатов он достиг на турнирах на крытых кортах, и, когда ему позволили снова играть на крытых кортах, дела его снова пошли в гору. Он проиграл в трёх сетах Ллейтону Хьюитту в Лионе в их первом матче уровня тура АТР (этот матч сопровождало необычное зрелище: их тренеры, Питер Картер и Даррен Кэхилл, сидели мирно на трибунах и дружески болтали). Он победил Седрика Пьолина – игрока, в том году вошедшего в десятку лучших, – в Ташкенте, в сентябре. Он победил Райнера Шуттлера в Тулузе на следующей неделе. Благодаря всему этому он из игрока, стоящего на пороге сотни лучших теннисистов, стал тем, кто стремительно ворвался в этот список.

1999 год он закончил, вернувшись в “челленджер”, выиграв свой первый и единственный титул этого турнира в Бресте, заняв шестьдесят четвертую позицию рейтинга, поднявшись, таким образом, на двести тридцать восемь позиций с начала года, когда он был всего лишь триста вторым.

В начале 2000 года победа в двух раундах на Открытом чемпионате Австралии ускорила продвижение Федерера в рейтинге. В середине февраля он достиг своего первого финала тура АТР в Марселе, спустя неделю после политизированного матча Кубка Дэвиса против Австралии. В финале он встретился не с кем иным, как с человеком, с которым он стоял бок о бок на протяжении предыдущих соревнований, – с Марком Россе. Это был очень уважительный и взаимно вежливый финал, завершившийся в пользу Россе со счётом 7–5 на тай-брейке. Возможно, что Федерер был не вполне готов к своему первому титулу – этот вопрос всё ещё является открытым. Вероятно, если бы он играл с кем-то менее близким для него, то его желание победить было бы больше. Сам же Россе позже шутливо заметил в разговоре со швейцарским журналистом Роже Жонином, что он поблагодарил Роджера за то, что тот позволил ему выиграть. В это трудно поверить, несмотря на то, что Федереру было приятно, что Россе выиграл очередной турнир, четырнадцатый за его карьеру и третий в Марселе.

Взросление Федерера пришлось на самое начало 2000 года. В тот период он принял ряд решений, впоследствии определивших его независимость. Он расстался со спортивным психологом Крисом Марколли, проработав с ним больше года. В конце 2002 года Марколли поведал швейцарской газете «Neue Zürcher Zeitung» о том, что работа спортивного психолога заключается в том, чтобы “помочь пациенту с тем, чтобы он смог помочь себе сам”, а также о том, что к началу 2000 года Федерер достиг необходимого уровня независимости. Короче говоря, в совместной работе больше нет необходимости. В апреле Роджер объявил, что в этом году покинет «Швейцарский Теннис».

Наиболее значимой чертой многих национальных теннисных программ является помощь, которую они оказывают игрокам в течение первых двух лет после выхода из юниоров. Шведы в 70-х годах и немцы в 80-х узнали, что карьеры многих многообещающих теннисистов погубил именно недостаток помощи, которая бы облегчила переход из юниоров во взрослый тур. Пока же Федерер был на пути к тому, чтобы стать профессионалом в 1998 году, и он всё ещё был связан контрактом со «Швейцарским Теннисом». Это позволяло ему тренироваться в новом центре в Биле, а также получать финансовую помощь от этой организации. В то же время это оставляло за «Швейцарским Теннисом» последнее слово в выборе тренера. То есть Федерер вынужден был играть в Кубке Дэвиса даже в том случае, если возражал против капитана, выбранного ассоциацией. Разумеется, он и сам мог уйти. Однако тот факт, что национальная ассоциация принуждала его играть с Австралией в Кубке Дэвиса, помог ему принять окончательное решение.

Не так уж трудно было принять решение расстаться со «Швейцарским Теннисом», но кто будет его тренировать? Питера Картера сманили в национальный центр в Биле – во многом благодаря тому, что он со времён «Олд Бойз» в Базеле был связан с Федерером. Мало-помалу национальный

тренер Питер Лундгрэн начал тренировать Федерера наравне с Картером. Это отлично работало. Однако теперь, когда Федерер собрался уходить, он хотел, чтобы кто-то ездил вместе с ним. Нужен был или Питер, или кто-то другой.

Имя “Питер” (по-гречески “Кифа”) означает “камень”. Воистину, перед Федерером возник тяжёлый камень преткновения. Решение расстаться с Питером стало для Роджера очень тяжёлым потому, что, хотя Картер не мог постоянно с ним ездить на турниры (его невеста боролась с раком), он также не хотел и отпускать Федерера. Кроме того, привязанность между Федерером и Картером была очень сильной и за последние десять лет лишь укрепилась. Не было никакого сравнения с отношениями, сложившимися после трёх лет работы Федерера и Лундгрена.

“Все мы были уверены, что он изберёт Картера, – вспоминает Ив Аллегро, – а он вдруг выбрал Лундгрена. Я был удивлён не менее других. Впрочем, для Роджера это было трудное решение, да и Картеру это было тяжело принять”.

Когда Федерер принимал это решение, Даррен Кэхилл много времени проводил с Картером (Картер был одним из трёх друзей жениха на свадьбе Кэхилла в том же году). Он утверждает, что друг его был разочарован: *“...до крайней степени, он был крайне огорчён. Он в самом деле верил, что мог бы помочь Роджеру на его пути. Мы часами говорили о тех двух парнях, которых мы тренировали. Много говорилось о том, как мы могли бы стать лучшими тренерами для этих игроков, как мы могли бы справляться с эмоциональной стороной тенниса, как мы могли бы справляться с тем, что происходило на корте. Конечно, выбор тренера – вопрос личный. Питер Лундгрэн – великолепный тренер, и у него тоже были тёплые отношения с Роджером. Возможно, Роджер рассматривал ситуацию с той стороны, что Картер уже привёл его к определённому уровню и ему нужен был кто-то, обладающий опытом Лундгрена, чтобы перейти на следующий уровень. Возможно, он был прав. Но Картер так много вложил в карьеру Роджера и, более того, был его другом. Когда тот сделал выбор, Питер внешне не выказал эмоций, поддержал решение Роджера. Однако внутри он был очень расстроен. Это его очень ранило”.*

Федерер говорит, что принял это решение, основываясь на “ощущениях”. Многие говорили о том, что выбор был сделан с учётом того, что Картер не хотел путешествовать. По-человечески австралиец это характеризует с лучшей стороны, поскольку он должен был быть рядом со своей невестой на протяжении следующих полутора лет. Однако тот же Кэхилл уверен, что Картер тотчас бы согласился, если бы Федерер попросил его путешествовать с ним. Как только решение было принято, Картер его беспрекословно принял, благородно уступил, не показав ни малейших признаков обиды. Он продолжал работать. Это очень впечатлило Федерера и сыграло немалую роль в том, что он настаивал на кандидатуре Картера при выборе капитана швейцарской команды для Кубка Дэвиса в 2001 и 2002 годах. Кэхилл добавляет к этому: *“То, что Питер стал частью команды для Кубка Дэвиса, на самом деле обусловлено тем, что Роджер сказал: “Этот парень должен быть частью моей жизни и карьеры. Он нужен мне рядом, пусть даже и не на главной роли”.*

Лундгрэн был не похож на традиционного тренера. Будучи игроком, он достиг весьма скромных успехов: двадцать пятой позиции в мировых рейтингах в возрасте двадцати лет. Он также прошёл в четвёртый раунд Уимблдона и Открытого чемпионата Австралии в парном разряде. Он скорее заработал славу игрока, не расстающегося со своей гитарой, любившего тяжёлый рок не меньше, чем свой мягкий бэкхенд. Его игровая карьера завершилась в начале 90-х, и Лундгрэн принял образ того, кто абсолютно не ассоциируется со спортом высочайшего уровня. Со своими длинными волосами и козлиной бородкой он скорее был похож на бродягу с пляжей Австралии, чем на тренера теннисиста, который стремится стать лучшим в мире.

В любом случае Лундгрэн стал для Федерера огромной ценностью, равно как был для Марсело Риоса до того и станет для Марата Сафина в будущем. Никто не может точно сказать, каким именно должен быть тренер. Каждый теннисист требует что-то особенное, и только сам теннисист способен понять, получает ли он от тренера то, что необходимо. Федерер чувствовал себя хорошо и непринуждённо в компании Лундгрена, а у Лундгрена, в свою очередь, было тактическое чутьё, которое позволяло его подопечному составлять планы игры. Он также помогал Роджеру работать над теми проблемами, которые всё ещё создавал его изменчивый темперамент.

Когда к 2000 году волосы Федерера отросли до плеч, они с Лундгреном стали поразительно похожи – если не на братьев, то на единомышленников точно.

К концу 2000 года на дороге возник третий “камень”. Пьер Паганини уже был в национальном центре «Швейцарского Тенниса», когда в 1995 году Федерер пришёл туда. Помня о жёстких условиях мирового теннисного тура, Федерер сделал Паганини своим личным фитнес-тренером. Он работал в паре с физиотерапевтом – изначально с Тьерри Марканте, а потом с несколькими другими. Необходимость постоянных разъездов приводила к тому, что большинство физиотерапевтов Федерера выдерживали около восемнадцати месяцев, а потом возвращались к семьям или на основную работу.

Паганини, 1957 года рождения, представлял собой такого бритоголового фанатика фитнеса, который не командуется, стоя на краю площадки, а вместе со своим подопечным работает до седьмого пота. Они вместе с Кристофом Фрейссом руководили программой «Теннисные этюды», к которой Федерер присоединился в возрасте четырнадцати лет. Таким образом, назначение Паганини личным фитнес-гуру Федерера для серьёзной работы около ста дней в году венчало естественное развитие событий. Паганини чётко дал понять, что именно он будет участвовать в разработке расписания турниров Федерера, заниматься его диетой и физическими тренировками. Тогда же была разработана структура года Федерера, которая актуальна и по сей день: три трёхнедельных блока физических тренировок – в декабре, в феврале и в июле – с более короткими, более интенсивными блоками в перерывах. Это соответствует структуре: полный цикл турниров, далее – период восстановления, потом фитнес-тренировки, затем теннисные тренировки, снова турниры, восстановление и так далее. Физическая работа идёт по плану, разработанному Паганини для Федерера, и включает в себя пять пунктов. Пункт первый: общие тренировки, то есть работа в спортзале для улучшения выносливости, силы, скорости и ловкости. Пункт второй: особый фитнес, сочетающий в себе работу в спортзале и на корте с акцентом на конкретных аспектах поочерёдно. Пункт третий: комплексный фитнес, то есть различные упражнения на корте, основанные на фитнесе и теннисных тренировках. Пункт четвёртый: особые фитнес-тренировки, включающие в себя игру в теннис с конкретными фитнес-целями. Пункт пятый: превентивные тренировки, включающие в себя физиотерапевтические упражнения, призванные предупредить возникновение травм. За все годы Паганини вносил в режим некоторые изменения, но в целом он остаётся неизменным с 2000 года.

Паганини, бывший футболист и десятиборец, рассказывал швейцарскому теннисному журналисту Рене Штауфферу: *“В физической подготовке, в атлетичности Роджер отставал, особенно, что касается работы ног и силы в целом... его чрезвычайный талант стал проблемой, поскольку компенсировал какие-то физические недоработки”*. Паганини подчеркивает, что не ставит цели превратить Федерера в бодибилдера: *“Теннисист – не спринтер, не марафонец, не толкатель ядра. Однако у него должно быть всего понемногу, и он должен быть способен воспользоваться всеми этими качествами по ходу матча”*.

Фитнес-гуру вскоре выяснил, что физические тренировки не входят в список любимых занятий Федерера, и поэтому ему приходилось превращать работу в веселье. Федерер сам признаёт, что ему не нравится работа в спортзале, и он никогда не проводил там больше трёх часов подряд, тогда как на корте он проводит намного больше времени. И, тем не менее *“...в последнее время теннисные тренировки или фитнес приносят мне больше удовольствия, потому что я вижу пользу от этих трудных долгих часов работы. Мне это нравится, я знаю, что смогу насладиться этим ещё больше, когда буду на корте. Я не хочу проигрывать только потому, что мне не хватает физической подготовки или практики”*.

В интервью 2005 года для книги, изданной «Baser Zeitung», Паганини сказал: *“Возможность работать с Роджером Федерером – это абсолютная привилегия. За всю карьеру спортивному тренеру может повезти так всего однажды. Нет, обычно так не везёт, так что я на самом деле – просто счастливчик”*.

Итак, Лундгрэн был назначен личным тренером, Паганини – фитнес-тренером. У Федерера была команда для штурма высочайшего уровня профессионального тенниса.

ГЛАВА 5

Можно легко – и ошибочно – предположить, что поскольку Федерер выиграл больше титулов Большого шлема, чем кто-либо другой, то его переход из юниоров в профессионалы был стремительным. Это был скорее хорошо спланированный процесс обучения. Из-за его победы на Уимблдоне среди юниоров в шестнадцатилетнем возрасте люди стали ожидать от него намного больше. Он стал знаменитостью, и многие уроки, которые надо было бы усвоить в период постепенного профессионального становления, пришлось учить под устремлёнными на него многочисленными взорами. Период в четыре с половиной года между тем, как он покинул круг юниоров и выиграл первый титул Большого шлема, характеризуется медленным, но постоянным прогрессом. На то, чтобы новый режим Лундгрена-Паганини начал приносить плоды, ушло лишь несколько недель, и Роджер проиграл всего несколько матчей, что сейчас кажется уму непостижимым. Например, к июню 2000 года Майкл Чанг, американец-ветеран, утративший свои позиции в мужском теннисе, никогда не показывающий ничего особенного на травяном покрытии, всё же умудрился победить Федерера в Галле. И ещё одно поражение на травяном корте в Ноттингеме нанёс Ричард Фромберг, ещё один ветеран, который всегда лучше играл на грунтовом покрытии. Однако самое болезненное поражение Федерер потерпел в сентябре 2000 года, на Олимпийских играх в Сиднее.

В формате Олимпиады все четыре полуфиналиста дважды борются за медаль, а проигравшие разыгрывают бронзу. Федерер прошёл в последнюю четвёрку, не проиграв ни сета, но затем в полуфинале проиграл Томми Хаасу со счётом 6–3, 6–2. Он играл не лучшим образом, но и не опозорился. В плей-офф за бронзу ожидалось, что он обыграет Арно Ди Паскуале.

Ди Паскуале был предшественником Федерера на посту чемпиона среди юниоров, но эти двое весьма отличались друг от друга. Француза, яркого игрока, подвели небезупречная техника и тело, которое не могло выдержать суровые условия современного теннисного тура. Он победил трёх сеянных игроков, чтобы дойти до последней четвёрки, но в полуфинале его остановил Евгений Кафельников. В итоге он оказался в плей-офф с Федерером, несколькими мелкими травмами и почти иссякшим запалом.

Каким-то образом Ди Паскуале одолел первый сет со счётом 7–5 на тай-брейке. Всё ещё казалось, что Федерер способен отыграться. Он был на грани фолла во втором сете, но, как только он сравнял счёт на втором тай-брейке, казалось, что медаль уже была у него в руках. И всё же он слишком рано сломался в последнем сете, и со счётом 7–6, 6–7, 6–3 Ди Паскуале заполучил бронзу. Он шире всех улыбался на постаменте. Президент Международной федерации тенниса Франческо Риччи-Битти, фанат Федерера, вопреки всем требованиям положения и внешнего нейтралитета никогда не скрывающий своих предпочтений, заявил, что *“это был один из самых огорчительных матчей для фаната Федерера. Он был лучшим игроком, и Ди Паскуале был травмирован, но Федерер каким-то образом всё равно умудрился проиграть”*. Разочарование Риччи-Битти усилилось три года спустя: когда казалось, что Федерер растратил весь свой огромный талант, и прошло ещё восемь лет до того, как Федерер заполучил-таки олимпийскую медаль.

Было бы неправильным утверждать, что Федерер вернулся с Олимпиады в Сиднее ни с чем. Он – гражданин мира с широкими взглядами, он расцветает в атмосфере Олимпийских игр, наслаждается встречами с другими спортсменами. И самое сильное впечатление на него произвёл один член теннисной команды Швейцарии.

История Мирославы Вавринец (или просто Мирки) напоминает историю Мартины Хингис. Мирослава родилась в словацкой части Чехословакии в 1978 году и переехала в Швейцарию, когда ей было два года. Её история в теннисе начинается с того, как в девять лет её взяли на женский турнир на крытых кортах в Фильдерштадте, неподалёку от Штутгарта. Там она встретила Мартину Навратилову – ей было уже тридцать три, но она всё ещё была второй лучшей теннисисткой в мире, уступая лишь Штеффи Граф. Навратилова, вероятно, спросила Вавринец, играла ли она в теннис. Вавринец сказала, что не играла и что ей больше нравился балет. Навратилова заметила, что её фигура больше подходит для тенниса, и предложила задействовать свои связи в Швейцарии, чтобы помочь девочке начать заниматься теннисом. К пятнадцати годам Вавринец уже была чемпионом Швейцарии среди

теннисистов младше восемнадцати лет, а к 2000 году она, оправившись от серьёзной травмы лодыжки, вошла в команду Швейцарии для Олимпийских игр в Сиднее.

Роджер и Мирка впервые встретились в Биле, вскоре после открытия «Дома Тенниса» в 1997 году, так что ко дню встречи в Сиднее они уже были немного знакомы. Федерер прорывался к полуфиналам, Вавринец проиграла два первых раунда: в женском одиночном разряде со счётом 6–1, 6–1 Елене Дементьевой, получившей в итоге серебряную медаль, и, в паре с Эммануэль Гальярди, венесуэлкам Милагрос Секера и Марии Венто со счётом 6–2, 7–5.

В Сиднее же Вавринец потеряла своё сердце. Казалось, Федерер её преследовал. **“Я не могла понять, почему он так хотел со мной поговорить, – рассказывала Вавринец, – а потом, ближе к концу Игр, он меня поцеловал”**.

Прямо перед окончанием Олимпийских игр Федерер встретился с Митци Инграм Иванс, менеджером по связям и контактам с прессой. Федерер сказал: *“Митци, подожди здесь, я хочу представить тебе кое-кого особенного”*. Он исчез и вернулся через пару минут уже не один, довольный и гордый. *“Это Мирка”*, – заявил он.

Олимпийские игры в Сиднее ознаменовали начало отношений, которые поддерживали Федерера как в личном, так и практическом плане и которые вылились в свадьбу 11 апреля 2009 года. Тогда пара готовилась к рождению, как выяснилось вскоре, близняшек.

Вавринец не была его первой любовью (у него уже была постоянная девушка, когда он был младше), но вскоре стало понятно, что это нечто большее, чем мимолётный роман. Она стала его референтом, она стояла за созданием его аромата RF – и она же настояла на том, чтобы разделять личные и коммерческие дела. Некоторое время существовала договорённость со швейцарскими СМИ: их нельзя было фотографировать вместе. Этот запрет нельзя было не нарушать, несмотря на то, что в целом швейцарская пресса была согласна с тем, что право общественности знать о паре всё заканчивалось на пороге их квартиры в богатом пригороде Базеля, Обервиле, и просторного дома, в котором они живут сейчас в Воллерау, на берегах Цюрихского озера в Центральной Швейцарии. **“Теперь мы позволяем фотографировать нас вместе, – сказала Вавринец швейцарскому журналисту Роже Жонину в 2004 году, – но ни в одной газете или журнале вы не прочитаете о том, что происходит у нас дома”**.

Чемпионат Швейцарии на крытых кортах в Базеле – одно из регулярных событий в календаре мирового тенниса. Впервые он прошёл в 1970 году, то есть он старше большинства других мероприятий в современном туре. Он раньше обозначал открытие европейского осеннего сезона турниров на крытых кортах. В 2000 году он занял куда менее выгодное положение, когда оказался втиснут между предпоследним и последним турнирами года серии “Мастерс”. Однако он продолжал существовать как престижное и финансово благополучное мероприятие, с тех пор как в 2009 году получил статус “500”, поставивший его всего на один уровень ниже “Мастерс” или уровня “1000” и гораздо лучшую позицию. Он всё ещё стоял за неделю до турнира Париж-Берси, но целых две недели спустя предыдущего турнира “Мастерс 1000” в Шанхае.

На протяжении последних двух десятилетий он был детищем Роже Бреннвальда, теннисного импресарио. Впервые они встретились, когда Роджеру Федереру было двенадцать и Бреннвальд должен был вручать ему награду как самому талантливому молодому игроку Швейцарии. До начала церемонии Бреннвальд выяснил, что должен произносить имя мальчика на английский манер, а не на французский, как своё собственное имя. Бреннвальд превратил чемпионат Швейцарии на крытых кортах в такое авторитетное событие, что даже проигрыши Федерера в 2004 и 2005 годах не подорвали его экономическую жизнеспособность. *“Поскольку наше мероприятие является общественным событием, а также и теннисным турниром, Роджер Федерер – это бонус, – говорит Бреннвальд. – Он – огромная привилегия, но, к сожалению, мы не можем извлечь из него максимум: у нас всего девять тысяч мест, которые мы заполняли и тридцать лет назад. Так что он, скорее бонус, а не основа турнира”*.

С экономической точки зрения турнир поражает, но в базельском теннисе есть и те, кто считает его слишком уж светским мероприятием – со всеми этими хорошо одетыми и курящими сигары зрителями, которых не в пример больше, чем настоящих страстных поклонников тенниса. Что ж, в этом есть доля правды. Однако вряд ли на планете есть турнир, который не сталкивается с этой проблемой в той или иной степени.

Чемпионат Швейцарии на крытых кортах познакомил Федерера с атмосферой теннисного турнира. В четырнадцать лет он подавал там мячи, встречался в раздевалке с такими великими людьми, как, например, Джим Курье и Борис Беккер. Его мама Линетт всходила там на пьедестал ещё до того, как он стал знаменит. К тому времени, как он стал профессионалом, Базель был одним из двух швейцарских городов, в которых проходили мужские турниры уровня АТР. Вторым был Гштаад в Бернском нагорье, одно из самых живописных мест в мировом теннисе, где Федерер дебютировал в туре. Оба мероприятия много значат для Федерера, но Базель важнее – это его родной город.

Утром 29 октября 2000 года казалось, что всё идёт к тому, чтобы чемпионат Швейцарии на крытых кортах стал первым титулом в портфолио Федерера. В одной из своих лучших игр в роли профессионала он победил накануне Ллейтона Хьюитта, дошёл до финала Базеля. Этот результат казался ещё одним маленьким переломным моментом в его карьере. Может показаться странным, но, несмотря на доминирование в мировом теннисе, потребовалось целых шесть лет для того, чтобы он поднял наконец над головой домашний трофей.

Полуфинал Федерера в 2000 году, когда он играл против Хьюитта, был одним из наиболее выдающихся матчей его ранней профессиональной карьеры. Всего пять с половиной месяцев разделяли игроков в возрасте. Они уже играли друг против друга в юниорах. Их обоих тренировали люди из родного города Хьюитта, Аделаиды, и оба они были лидерами своего поколения. Если бы Хьюитт не повзрослел намного быстрее Федерера, то, возможно, он бы никогда не стал первым в мировых рейтингах. Однако к тому времени, как они встретились в Базеле, Хьюитт выиграл все три из их пост-юниорских матчей, в том числе четыре сета Кубка Дэвиса, которые помогли Австралии победить Швейцарию, пусть и с минимальным преимуществом.

Это сделало базельский полуфинал между Хьюиттом и Федерером матчем недели – и он таким и был. Это было классическое столкновение домашнего аутсайдера, тридцать второго в рейтинге, и приехавшего фаворита, седьмого в рейтинге. Два теннисиста сыграли выдающийся матч, и Федерер победил со счётом 6–4, 5–7, 7–8 (8–6 на тай-брейке). В ту субботу весь Санкт-Якоб Холл стоя аплодировал обоим, но особенно победителю – местному герою.

Однако это усилие дорого обошлось. На следующий день Федерер вышел в финал из пяти сетов против шведа Томаса Энквиста. Тот был уже на закате своей карьеры, но всё ещё удерживал девятую позицию в рейтинге и был способен побеждать соперников, недостаточно сильных для того, чтобы противостоять его беспощадности. Федерер постарался, он довёл матч до пяти сетов, но проиграл со счётом 6–2, 4–6, 7–6, 1–6, 6–1.

К концу третьего года в туре он ворвался в тридцатку лучших, закончив 2000 год двадцать девятым – благодаря очкам, добытым в финалах в Марселе, в Базеле и в полуфинале Олимпийских игр.

Если выбор момента в теннисе что-то и значит, то момент для восхождения Федерера к славе во времена юности швейцарского тенниса был выбран идеально. Страна, неохотно принимающая спорт, не процветающий на её территории, была вынуждена заинтересоваться и заметить его, когда Мартина Хингис стала лучшей в мире в 1997 году. Однако Хингис не родилась в Швейцарии. Несмотря на то, что она иммигрировала в возрасте семи лет, то есть достаточно рано для того, чтобы бегло говорить на швейцарском немецком, она никогда не старалась говорить на нем так, чтобы казаться урождённой швейцаркой. Людям в Швейцарии было непросто принять её по-настоящему. Один из опытных теннисных журналистов, Юрг Фогел из газеты «*Neue Zürcher Zeitung*», однажды описал её как “немного неправильную швейцарку”.

По отношению к Федереру, родившемуся в Базеле, такой отчуждённости не было. Всего через неделю после того, как Хингис проиграла Дженифер Каприати в Открытом чемпионате Австралии, не сумев прибавить к своим пяти титулам Большого шлема ещё один, Федерер, наконец, получил свой титул. Этот ключевой момент произошёл в Милане, когда Роджер победил Жюльена Буте в финале и стал чемпионом АТР. Буте едва ли мог напугать даже подростка Федерера, но настоящая работа была проделана в предыдущих двух раундах. В четвертьфиналах он выиграл у Горана Иванишевича (который позже в том году выиграл на Уимблдоне) со счётом 6–4, 6–4 и в полуфинале победил бывшего лучшего теннисиста Евгения Кафельникова со счётом 6–2, 6–7, 6–3.

И какое место походит для триумфа лучше Базеля, где всего пять дней спустя швейцарская команда должна была играть с США в Кубке Дэвиса?

В тот год американская команда переживала очередной переходный период. Патрик Макинрой взял на себя должность капитана. Его старший брат Джон отказался от этой работы после того, как переманил обратно Пита Сампраса и Андре Агасси в команду Кубка Дэвиса только для того, чтобы оба пошли на попятную перед полуфиналом в Испании, где в итоге американцы всё равно проиграли со счётом 5–0. В Базеле началось восстановление американцев, которое должно было закончиться победой на Кубке Дэвиса в 2007 году.

В февральские выходные 2001 года Федерер был на коне. В четырёх сетах он уверенно и быстро победил хрупкого, но чрезвычайно стабильного Тодда Мартина – тому уже стукнуло тридцать, у него скрипели суставы, но в этот день он был особенно опасен – перед тем как принести Швейцарии ещё одну победу: над Яном-Майклом Гэмбиллом. Между двумя победами в одиночных разрядах была одержана ещё одна, в парном с Лоренцо Манто над Гэмбиллом и Джастином Гимелстобом – временной парой, которая играла так плохо, что наглядно демонстрировала снижение шансов США на победу в парном разряде Кубка Дэвиса. Возможно, в этом есть нечто символичное, но швейцарская команда пять минут безуспешно пыталась извлечь пробку из праздничной бутылки шампанского, и выбил её, в конце концов, именно Федерер.

В турнире из пяти матчей Швейцария победила со счётом 3–1. Патрик Макинрой позволил дебютировать в матче Кубка Дэвиса Энди Роддику, который горел энтузиазмом по этому поводу, – чего нельзя было сказать о жителях Базеля. На тот день билеты на мероприятия не были распроданы, несмотря на вероятность того, что Макинрой мог выставить своего известного сорокаоднолетнего брата для участия в парном разряде. Пустые места создавали тягостную атмосферу. С 2001 года ни один турнир Кубка Дэвиса не проводился в Базеле (хотя справедливости ради стоит отметить, что отчасти это было связано и с непригодностью Санкт-Якоб Холла). Казалось, что хотя Федерер и заслужил восхищение народа своего родного города, но он ещё не окончательно заслужил их желания его поддержать.

Следующая игра Кубка Дэвиса – домашний четвертьфинал против французов в Невшателе в апреле 2001 года – стала важным моментом в эмоциональном развитии Федерера. “Впервые Федерер показал, что не стремится быть всеобщим любимцем, – вспоминает швейцарский радиожурналист Марко Мордасини. – После своего первого матча, в пятницу, он встал перед прессой – была почти полночь – и заявил: *“Я не могу и не буду играть в Кубке Дэвиса до тех пор, пока Якоб Хласек сидит в кресле капитана”*”.

Как и в случае со многими спорами, подоплёка разлада между Федерером и Хласеком непроста. Однако суть в том, что игрок никогда не ладил с капитаном. Почему? Непонятно. Хотя оба очень разные как личности и как игроки – Хласек добился всего благодаря дисциплине и усердной работе, а Федерер может полагаться на свои природные таланты, – у них намного больше общего в образе мышления и отношении к жизни, чем у Федерера с Марком Россе, с которым он всегда хорошо ладил. Какова бы ни была причина, было трудно как обеим сторонам конфликта, так и всем вокруг. Хласек привёз в Швейцарию Питера Лундгрена, надеясь на то, что он поможет с Федерером. И к тому времени, как они добрались до Невшателя, он признавал, что Лундгрэн на самом деле очень помог.

Хласек также примирился с Россе – правда, это было похоже больше на перемирие, – и они постарались забыть о своих различиях. Когда команда собралась на неделю, казалось, всё в швейцарском лагере было замечательно, но, как написал Роже Жонин в своей работе 2004 года «Роджер Федерер», признаки недовольства видны были невооружённым глазом: *“Команду сфотографировали перед отелем, в котором они все остановились. В то время как все широко улыбались, на лице Федерера застыло очень мрачное выражение. Просто ли он устал или же это был признак более глубокого дискомфорта? За спиной шептались, будто Хласек и Федерер больше не ладили – по сути, совсем не ладили. Напряжение было почти осязаемо, а улыбки – фальшивыми”*.

Как и на турнире в Цюрихе четырнадцатью месяцами ранее, беспокойства в швейцарском лагере поспособствовали проведению по-настоящему великолепного спортивного зрелища. В раунде не только было пять матчей, но в целом в него вошло двадцать три сета с 270 геймами, длившимися

двадцать один час и две минуты. В день открытия француз Арно Клеман победил Россе со счётом 15–13 в пятом сете матча, длившегося пять часов и сорок шесть минут. Россе предотвратил восемь матч-болов, но уступил на девятом.

Потом Федерер вышел против Николя Эскиюде перед переполненным залом на «Литторал Арене». Публика его поддерживала, но он сыграл, пожалуй, худший матч Кубка Дэвиса за всю свою карьеру. К тому моменту Федереру претил сам вид Хласека: на фотографиях с матча видно, как Федерер упрямо смотрит мимо Хласека, когда тот говорил с ним на смене сторон. Эскиюде позже стал игроком года Кубка Дэвиса, оставшись непобеждённым в пяти одиночных и парных матчах и выиграв кубок для Франции в пятом матче в финале в Мельбурне. Он также победил Федерера на финале в Роттердаме шестью неделями ранее. Однако исход матча решила разочаровывающая игра Федерера. Эскиюде выиграл со счётом 6–4, 6–7, 6–3, 6–4, в результате чего около полуночи Федерер предстал перед прессой с глазами, на которых предательски застыли следы недавно пролитых слез.

Если Федерер чувствует, что не может выполнить задачу как следует, то он не хочет делать этого вообще. Это объясняет и его заявление: *“Я не могу так больше. Я уже на протяжении нескольких месяцев говорю о том, что совсем не получаю удовольствия от игры, пока он [Хласек] здесь. Поражение в таком матче и то, как я проиграл, меня убивает. На кону – моя карьера”*.

Всем тем, кто имел отношение к «Швейцарскому Теннису», эта ситуация была известна как “die Kuba Krise” (“Кубинский кризис”): Хласека называли “Кубой”, модификацией его имени Якоб и немецким названием соответствующего острова.

Пытался ли Федерер испытать своё влияние, измерить границы растущей зависимости «Швейцарского Тенниса» от него? После тех выходных многие задавали себе этот вопрос. Почти точно ответ на него – “нет”. Существует достаточно свидетельств того, какие чувства испытывал Федерер к Хласеку, и он человек, для которого важна правильная обстановка. Некоторые считают, что именно поэтому он участвует в матчах Кубка Дэвиса (когда он в них всё же участвует). **“Я никогда не думал, что он пытается использовать свою власть”**, – говорит Марко Мордасини, который лично при этом присутствовал.

Какова бы ни была мотивация Федерера, чем-то нужно было пожертвовать. Хласек – пионер швейцарского тенниса, принёсший стране известность, войдя в десятку лучших теннисистов в 1988 году и приведя её к финалу Кубка Дэвиса в 1992 году, – терпел неудачу. Он был вынужден уйти в отставку после чрезвычайно драматичного четвертьфинала, несмотря на отставание Швейцарии на два очка после того первого дня.

Тем же вечером между Россе и Федерером в отеле разгорелась жаркая дискуссия. Россе был физически истощён после марафонского матча, но и он, и Федерер решили, что они должны были продолжать играть ради своих фанатов и товарищей по команде.

Хласек мог и подождать. Сейчас они должны были начать спасительную операцию, которая оказалась в итоге впечатляюще успешной.

Несмотря на то, что Федерер почти совсем не спал, он стал партнёром Лоренцо Манты в парном разряде субботним днём. Нет никаких сомнений в том, что Манте было очень приятно, что Федерер встал рядом после пятничного безумия, и в итоге он отыграл один из своих лучших матчей Кубка Дэвиса. Швейцарские партнёры проиграли первый сет против Седрика Пьолина и Фабриса Санторо, но реабилитировались во втором и третьем сетах, проиграв четвёртый на тай-брейке. Федерер позже признался, что не был уверен в том, как публика в Невшателе встретит его после слабой игры накануне, но она его полностью поддерживала. Поддержка болельщиков очень помогла в финальном сете, закончившимся со счётом 9–7 и увеличившим продолжительность матча до четырёх часов и тридцати одной минуты.

Когда Федерер победил Арно Клемана со счётом 6–4, 3–6, 7–6, 6–4, чтобы уравнять матч до 2–2 очков, феноменальное возвращение швейцарцев стало очевидным. Впрочем, как бы то ни было, талисман команды, Россе, был всё ещё измотан после пятничного матча. Поэтому Джордж Бастл, который проиграл единственный матч против Марка Филиппуссиса со счётом 6–4 в начале правления Хласека за четырнадцать месяцев до этого, снова был в игре. Он с лёгкостью справился с первым сетом, потом получил преимущество со счётом 2–1 после тай-брейка в третьем сете. Эскиюде победил в четвёртом, и неожиданно матч, который в пятницу казался таким неравноценным, дошёл до решающего пятого сета.

У Бастла было преимущество первой подачи. Когда счёт достиг 4–4, он держал свою подачу, чтобы давить на Эскуде – французу пришлось держать свою, чтобы остаться в матче. Он так и сделал. При счёте 5–5 Бастл снова держал подачу, и счёт уже был 6–5. Эскуде снова подал, чтобы остаться.

Когда счёт был уже 30–40, у Бастла был матч-бол. Последовал обмен ударами. Эскуде использовал форхенд, и в результате мяч приземлился вблизи задней линии. Кто-то закричал: “*Аум!*”, и Бастл начал поднимать руки в триумфальном жесте, но вдруг понял, что кричал не судья на вышке. Он ударил, но, выбитый из равновесия этим криком, запустил мяч за заднюю линию Эскуде. Счёт стал равным.

Стал ли этот крик причиной поражения Бастла, мы уже никогда не узнаем. Эскуде же выиграл два следующих очка, чтобы держать подачу, и в следующей игре Бастл проиграл. Хоть он и попытался выиграть подачу соперника, Эскуде не собирался проигрывать свою, и Франция стала триумфатором.

Разочарование в швейцарском лагере, очевидно, было огромным, хотя его и смягчал тот факт, что они всё-таки сохранили долю гордости после пятничного кошмара. Им просто было нужно, чтобы все беспорядки закончились.

Нельзя сказать, что выходные в Невшателе вымотали Роджера: неделю спустя он выиграл три матча в Монте-Карло, а затем ещё два в Риме в начале мая. Учитывая его первые результаты (он получил титул в Милане, пройдя в полуфинал в Марселе, финал в Роттердаме и четвертьфиналы в Майами), теперь он вошёл в ряды лучших десяти теннисистов мира. Однако, несмотря на весь свой талант, он всё ещё не знал, как правильно давать выход своей возбуждённой энергии. Поэтому, когда он поехал в Гамбург на финал турнира серии “Мастерс” перед Открытым чемпионатом Франции, предохранительный клапан, держащий под контролем его эмоции на корте, был на пределе.

ГЛАВА 6

Было бы неправильно рассматривать какое-либо событие в карьере Роджера Федерера как решающий момент. Его восхождение было постепенным, и в его лучшие годы у него было несколько взлётов. Однако то, что произошло в Гамбурге 14 мая 2001 года, стало одним из самых крутых и значительных трамплинов за всю его карьеру. Согласно архивам, Франко Скиллари победил Роджера Федерера со счётом 6–3, 6–4 в первом раунде турнира «Гамбург Мастерс». Но именно то, что произошло в конце матча, и то, какие уроки вынес из этого Федерер, возымело колоссальный эффект.

Гамбургский «Ротенбаум» – это теннисный центр, исполненный престижа и традиций. Расположенный среди внушительной архитектуры роскошного бульвара Ротенбаумшоссе, он является многоуважаемым домом немецкого тенниса, где проходит один из старейших турниров мира. Вплоть до 2009 года он был известен как «Гамбург Мастерс», но затем утратил свой статус турнира серии “Мастерс”, когда огромные испанские деньги оказались могущественнее тевтонских традиций. В 2001 году для немецких фанатов или мировых телевизионных компаний имена Федерера и Скиллари ничего не значили. Поэтому их первый раунд проводился на первом корте «Ротенбаума»: забетонированной мини-арене в тени главного стадиона. То, что она располагалась в своеобразной образовавшейся азротрубе, притягивало худшую погоду Гамбурга. В результате лишь немногие наблюдали завершение матча.

Матч подвёл итог очередному этапу карьеры Федерера. Да, он был талантливее, но его эффективность на корте была нестабильной, тогда как матч был прекрасно сбалансирован в стиле Скиллари. При счёте 5–4 во втором сете Скиллари обеспечил себе матч-бол. В последовавшем обмене ударами Федерер оттеснил хитроумного левшу-аргентинца за заднюю линию и рванул к сетке. Для него это должен был быть лёгкий удар с лёта. Скиллари выполнил удар с максимальной подкруткой, пытаясь заставить Федерера выполнить удар с лёта в низкой точке. Федерер потерял мяч из вида и внезапно осознал, что зажат между его ракеткой и грунтом. На заднем фоне голос судьи с вышки объявил: “*Гейм, сет и матч за Скиллари, 6–3, 6–4!*”

У сетки Федерер пожал руку Скиллари, выразил признательность судье, а затем в бешенстве разбил ракетку о судейское кресло.

Та сломанная ракетка была, пожалуй, одной из самых ценных, которыми он когда-либо играл. Эта реакция на поражение заставила его пристально взглянуть на себя. *“Меня расстроило не просто поражение в матче, но и моё отношение к этому, – признал он несколько лет спустя. – Я понял, что мне нужно поменять своё отношение. Я помню, как подумал: “Я никогда не буду разбивать свою ракетку после матчей, только во время матчей”. И потом я сказал: “Довольно, я больше не выхожу из себя. Я слишком плохо себя веду”*”.

Он сдержал своё слово. Его поведение изменилось, поначалу даже слишком. На последующих турнирах он был спокоен, как буддист: совершал ли он великолепные удары или чудовищные ошибки, он не выказывал никаких эмоций, а просто шёл к следующей позиции. *“У меня даже начались проблемы из-за того, что я был слишком спокоен, – вспоминает он. – У меня была мотивация и страсть, но я больше не мог этого показывать, потому что боролся со своим поведением. Возможно, я и потерял немного времени, но, оглядываясь назад, я понимаю, что это было для меня очень важно”*.

Это было важно. Однако ещё более важным было то, что его новое отношение было вознаграждено результатами. За семь недель после того, как он буянил в Гамбурге, он дошёл до своих первых двух четвертьфиналов Большого шлема благодаря результату, который во многом заявил о его потенциале в мире тенниса.

Четыре победы, которые привели его в четвертьфиналы Открытого чемпионата Франции, восстановили его уверенность. Тогда, на траве Галле, он выглядел в высшей степени уверенно в течение двух раундов перед тем, как встретился с Патриком Рафтером – одним из лучших игроков на кортах с травяным покрытием того времени. Желая побольше попрактиковаться в игре на траве, он решил участвовать в голландском турнире в Хертогенбосе, принёсшим ему три победы, прежде чем он столкнулся со своим старым противником, Ллейтоном Хьюиттом, в полуфиналах.

Пока Федерер был в Нидерландах, составлялась сетка Уимблдона, которую возглавлял Пит Сампрас. В этом не было ничего необычного: Сампрас выиграл семь из предыдущих восьми титулов в мужских турнирах в одиночном разряде. Однако к июню 2001 года мастер Уимблдона выглядел всё более и более уязвимым. Он не выиграл ни одного турнира за весь год после того, как проиграл Годду Мартину в четвёртом раунде Открытого чемпионата Австралии и Хьюитту в полуфиналах его любимого “разминочного” турнира на травяном корте в лондонском клубе «Куинз». По сути, последний свой титул Сампрас получил в последний день Уимблдона в 2000 году, когда он оправился от слабого начала, победив Патрика Рафтера в четырёх сетах под последними лучами солнца. Казалось, что король был готов к свержению.

Примечание – 1

В этой книге часто упоминаются турниры “Мастерс” и серия “Мастерс” – серия из девяти элитных соревнований, формирующих крупнейший, после Большого шлема, мужской турнир. В 2009 году АТР официально изменила название этих событий на “1000” – по количеству рейтинговых очков, которые получает победитель. Однако поскольку эти девять соревнований больше десяти лет были известны как серия “Мастерс” и название “Мастерс” укоренилось, то появился термин “Мастерс 1000” – компромисс между общепринятым и официальным названиями. В книге используются наименования “серия “Мастерс””, иногда “Мастерс” и “Мастерс 1000”.